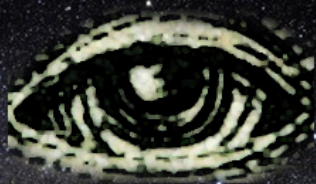

АЛЕКСЕЙ ФОМИЧЕВ

ПРОЕКТ

ХАОСА

ЦИКЛ «СМУТА»

Алексей Сергеевич Фомичев

Проект хаоса

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В далекой-далекой Вселенной, в стране со знакомым названием в прекрасном городе Горинск кровавый беспредел погружает людей во тьму страха.

А в городе Сурсак царит благодать, изредка нарушаемая всплесками самоуправства и вялыми протестами. Но за ширмой покоя скрывается безжалостное зло, готовое превратить все в крошечный ад.

Добрые соседи этой странно знакомой страны плетут паутину тайных интриг. Но Вселенная всегда оставляет шанс на чудо.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1	5
Вместо эпиграфа	5
Почти пролог	7
1	13
2	34
3	47
4	54
5	69
6	76
7	108
8	129
9	140
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Алексей Фомичев
Проект хаоса
(фантастический
роман-катастрофа)

Предисловие

Да, это не наша Россия. Какая-то другая. Хотелось бы надеяться. Ведь надежда умирает последней. А кроме надежды у нас ничего не осталось. К сожалению...

Часть 1

Третий звонок

Вместо эпитафии

Вечерний выпуск интернет-газеты Горинска «На закате»:

«И снова трагическая новость. На печально известном горожанам Тупиковом спуске сегодня вечером был сбит пенсионер, шедший в аптеку. Камеры наблюдения зафиксировали как автомобиль «тойота», не снижая скорости, выскочил на пешеходную зону и буквально проехал по пенсионеру, после чего скрылся с места преступления. И хотя номера машины были хорошо различимы, полиция утверждает, что никакими данными о правонарушителе не располагает. Это уже третий случай за прошедшую неделю. Возмущенные горожане требуют от властей найти и покарать убийц, однако полиция и администрация привычно молчат и не дают никаких комментариев...»

Новостной блок регионального телевидения:

«Большая партия гастарбайтеров прибыла в Сурсак на строительство нового стадиона, жилого комплекса «Озерный» и сети торговых центров «Каскад». Этот

факт вызвал возмущение профсоюзов, так как из-за наплыва дешевой рабочей силы из среднеазиатских республик многие местные рабочие окажутся не у дел. Однако подрядчики строительства и строительные фирмы не спешат хоть как-то объяснять свои действия. Да и власти продолжают хранить молчание...»

Почти пролог

В нарушение правил встречу организовали прямо в бизнес-центре. Во время проведения очередного мероприятия под эгидой торговой конференции, посвященной очередной внезапно возникшей проблеме на мировых рынках.

– Прошлый раз тряслись от падения цен на зерновые и молочные продукты. А что теперь?

– Смещение центров производства на запад. Азиатские партнеры недовольны уплывающими капиталами.

– Их кто-то воспринимает всерьез?

– По крайней мере, старательно делают вид.

Небольшой кабинет, пустующий большую часть года, как нельзя лучше подходил для вот такой встречи накоротке. Подобных рандеву в эти часы хватало, только на этом этаже еще с полсотни человек вели беседы в кабинетах, офисах и даже в фойе. Среди мельтешения торговых агентов, представителей корпораций и фирм, биржевых спекулянтов, менеджеров и прочей деловой братии беседа трех человек была практически незаметна.

– Тенденция, однако. Эдак скоро все Сообщество¹ переедет в бизнес-центры. Дешево и гарантия безопасности.

¹ Разведывательное сообщество США, включает в себя 17 отдельных правительственных учреждений, перед которыми стоит задача сбора информации и ведения разведывательной деятельности.

– Ну, так подай идею. Сэкономим немного.

Посмеялись. С недавних пор разговоры о сокращении расходов на спецслужбы и поиск возможности урезать бюджет стали весьма популярны не только в конгрессе.

– Что новенького ты припас, Джон? – вернулся к делу старший из собеседников.

Здесь не называли друг друга настоящими именами, а только по прозвищам. Кен, Джон, Майкл. Кен представлял Госдепартамент, Джон – частную аналитическую структуру, вроде бы независимую от государства, а Майкл – Министерство финансов.

– Да ничего такого. Обновленные данные из нескольких регионов восточного соседа. Финансовые потоки, промышленность, миграция.

– Сколько они закачали к нам за последний год? Тридцать пять, сорок? – усмехнулся Майкл.

– Официально почти тридцать пять. Неофициально... – Джон вытащил из тонкой папки листок, всмотрелся.

Смартфоны, планшеты и прочую технику сюда не приносили, пользовались только бумажными носителями.

– Словом, почти пятьдесят. Больше половины к нам, остальное в Европу и по мелочи в Азию, даже в Африку.

– Такими темпами они скоро заработают Золотую медаль².

² Золотая медаль Конгресса США – высшая гражданская награда, вручается лично президентом.

– Жаль, носить не смогут, – вставил Кен.

– И какие выводы ты делаешь? – спросил Майкл.

Джон уклончиво качнул головой.

– Наши умники просчитали ситуацию. Если коротко – две точки есть. Надо доработать, кое-что усилить. Но шансы неплохие.

– А конкретнее?

Новый листок лег на низкий стол из темно-зеленого стекла.

– Вот и вот, – кончик гелевого стержня ручки ткнул в верхнюю строчку текста.

– А почему не эти? – Майкл указал пальцем на другую строчку. – И расположение удобное и национальный состав сильно смешан. В прошлый раз ты их называл.

Джон покачал головой.

– Динамика. В таких регионах почти открытое противостояние национальных групп всегда активизирует протестное настроение, сплоченность внутри субструктуры, повышено внимание к новой активности. Словом, велика вероятность раннего обнаружения и слишком бурной реакции.

– Ладно, с этим вариантом ясно. А что по второму?

– Есть три точки, но умники рекомендуют именно эту. Слишком уж удачно совпали все факторы. Да и регион дотационный, денег всегда мало, так что контраст будет наиболее ярким.

Майкл взял листок в левую руку, сощурился, читая текст,

привычно хлопнул по карману пиджака и только потом вспомнил, что уже месяц как выбросил очки, а глаза после операции видят даже самый мелкий шрифт. Многолетние привычки просто так не проходят.

– Там население однородное, – вставил Джон. – Приезжих мало. Зато расслоение только растет.

Майкл передал листок Кену, но тот только взглянул и сразу положил на стол.

– Что ж, доверимся вашим умникам. Тем более, наши с ними, в целом, согласны. План?

– Дорабатывается. Уточняем детали. Обычно с ними больше всего хлопот.

– Финансы?

– Ваших никаких. Только нейтральные счета, только через десятые руки.

– Обеспечение?

– Так же. Задействуем местные ресурсы, их более чем достаточно.

– Кадры?

– Есть несколько групп.

– Расходные?

– Нет, расходные только из привлеченных. Аналитики, логистики – удаленно. Инструктора... помните, я рассказывал о них?

Майкл пожал плечами.

– Это те, с Крита?

– Жили там. Но сами...

– Да, помню.

– Они же у вас задействованы в военной компании? – вспомнил Кен.

– Верно. Отменные спецы, на них была вся подготовка.

– Да, таких жалко терять, – протянул Кен.

– И не придется. Они будут работать только с отдельной командой и по отдельному плану. С другими... звеньями никаких контактов. Все остальное – кадры, техника и прочее – местное.

– Секретность? – продолжал Майкл.

– Полная. Наших ушей не увидят. Их просто нет. И никаких концов.

– Главное, чтобы парни из Лавки³ не встряли, – сказал Кен. – Они ведь сразу рванут на запашок. А уж когда пойдет вонь...

– Пусть, – отозвался Майкл. – Тогда пусть. Это даже хорошо, такой шум прикроет лучше любой завесы.

– Как со сроками? – обратился к Джону Кен.

– Сразу после согласования плана. Несколько месяцев на подготовку, потом первая стадия, ну и так далее. Спешить не будем.

– Верно, – Майкл одобритительно кивнул. – Наша игра – это частная акция, разведка боем, прощупывание. Так что сроки определяем сами. На нас не давят.

³ Так же «компания», «фирма» – название ЦРУ (сленг).

Джон спрятал листы в папку, бросил ее на соседний стул.

– Такой вопрос. Есть факторы, которые могут повлиять на наши планы?

Майкл помолчал, взглянул на Кена. Тот покачал головой.

– Только форс-мажор. Ну или второе пришествие.

– Нет повода отменять дело, – веско проговорил Майкл. – Наоборот, надо его проводить. Потом, в случае успеха, у нас на руках будут такие козыри, что все следующие партии можно расписывать заранее.

– Тем более, если другой игрок покинет поле, – довольно улыбнулся Джон.

– Не стоит пока мечтать, – подвел итог Майкл. – Итак, до новой встречи. Видимо, ее проведем сразу на бирже.

Кен и Джон рассмеялись и дружно встали из-за стола.

1

Горинск. Светлое настоящее

Интернет-ресурс «Другой город»:

«Город Горинск скоро станет столицей российского беспредела властей. Полная безнаказанность представителей так называемой золотой молодежи начинает вызывать не только гнев, но и страх. Ибо теперь за свою жизнь опасаются даже старики. Не далее как вчера группа молодых парней, приехавших в ресторан на роскошных иномарках, устроила стоянку прямо на тротуаре. А когда местный житель попробовал протиснуться между «мерседесами» и «ландкрузерами» те самые золотые мальчики сбили его с ног и буквально отпинали на проезжую часть. Вызванный жильцами соседнего дома наряд полиции даже не подошел к правонарушителям, а лишь скромно потоптался возле входа в ресторан и вскоре уехал. Мы обратились за разъяснением к начальнику РОВД, однако он не соизволил дать ответ и порекомендовал «сидеть тихо». Вот такие порядки теперь в нашей демократической стране, где простым людям просто не оставляют места под солнцем...»

На свидание Толик отправился в самом отвратительном настроении. Не верил, что Олька придет. Вчера вроде обе-

щала, но сегодня вдруг эсэмэснула⁴: «Могу задержаться». В ее варианте это может быть и «никогда», и «жди-жди». Толик бы и не ждал, да больно уж хороша зараза! То ли с конкурса красоты сбежала, то ли до Голливуда не доехала, осела в Горинске, хотя это явно не ее уровень.

Кафе «Волна» – тусовочное место молодежи, не дешевое, но и не элитное. Тут за бокал пива не надо платить штуку, однако ужин легко может облегчить кошелек на несколько тысяч. Не то чтобы денег у Толика не было, просто тратить их впустую он не хотел. А что впустую – это уже к гадалке не ходи. За все время знакомства с Ольгой он дальше обнимашек не прошел. Лапать себя она еще позволяла, но вот чтобы пустить в постель – фига! И что толку тратить бабло на бесперспективную девку?

Вот и маялся Толик, сидя за столиком у окна и потягивая ананасовый сок из высокого бокала. Надо рвать с этой фишкой, но язык не поворачивается послать и рука не поднимается махнуть. Все остальное поднимается, а рука нет.

Весна постепенно уступала место наступающему лету, девчонки давно сменили брюки на короткие юбки и от обилия голых женских ног рот обволакивала сухость, а сердце ухало, словно барабан. Вон они, молодки, фланируют по ули-

⁴ Отправила смс. Здесь и далее арготизмы и сленговые выражения различных слоев общества, социальных и профессиональных групп. Словом, если вдруг кто чего не поймет – есть интернет.

це, демонстрируя подтянутые за зиму в фитнес-зале фигурки, обнаженные бедра и обтянутые тонкими маечками груди. И каждая вторая без лифчика.

Час, решил про себя Толик. Час жду, а если нет... Тащить-ся к ее дому было глупо, да и стремно. Ольга жила с родителями в «хозяйском доме». В самом престижном районе города, где обитали сплошь чинуши городской и областной администраций, некоторые бизнесмены из приближенных к власти и прочие «сливки» общества. Да и подойти к дому непросто. Высокая ограда, охрана на воротах, видеокамеры. Надо звонить, просить, чтоб пропустили.

Месяц назад Толик сдуру принял приглашение зайти на минутку, так от злости едва не лопнул. Охранник – мужик лет сорока – снисходительно смотрел на визитера, пришедшего, а не приехавшего на машине, пока старший смены созванивался с Олей, а потом неохотно открывал ворота, пропуская явно нестатусного гостя.

Больше ходить к этому дому Толик не собирался. Даже если не Ольга, а ее папаша – чинуша немалого ранга – позовет. Ну ее к черту эту «элиту»!

Зарок себе Толик дал. Но через полтора часа все же сел на маршрутку и поехал к Олиному дому, решив позвонить ей уже с места. Повезло, маршрутка уже стояла на остановке, и Толик плюхнулся на свободное место, доставая смартфон. Может быть, лучше бы было, если бы он припоздал, не приехал так быстро. Но тут не угадать, и обратно не отыграть.

Ольку он заметил сразу. Она стояла возле черного «лексуса», небрежно положив руку на капот. А рядом стояли два парня, что-то азартно обсуждая. Причем один держал руку на Олином плече, против чего та явно не возражала.

Толик замедлил шаг, решая, как быть, но все же пошел на сближение. Взгляд прикипел к лежащей на Олином плече руке. В голове привычно зазвенела пустота, как перед боем, а пальцы начали подрагивать от избытка хлынувшего адреналина.

На звук шагов обернулись все трое. Олька равнодушно скользнула по нему взглядом, безмятежно улыbnулась, даже не сделав вид, что смущена.

– Привет, – негромко произнес Толик, старательно глядя только на нее.

– Салют, – откликнулась она. – А ты чего здесь?

Тот, что держал руку на ее плече, повернулся, бросил на Толика цепкий взгляд, разом распознав обычного человека не из «своих», отметил купленные на рынке кроссовки, заурядные джинсы и такую же заурядную футболку.

Он медленно убрал руку с Олиного плеча, достал из кармана фирменных, явно шитых на заказ брюк, несколько мятых бумажек по тысяче рублей и небрежно протянул Толику.

– По субботам не подаю, но на бедность... Держи, мэн.

Второй парень гоготнул, тоже полез в карман, потом тронул висящую на поясе сумку. А Олька даже не отреагирова-

ла. И упорно молчала.

– Ты освободилась? – враз онемевшими губами произнес Толик, давя в себе ярость.

– А ты увезти ее хочешь? – встрял щедрый меценат. – На троллейбусе или как?

Оля не первый день знала Толика и кое-какие его привычки уже изучила. По легкой бледности на его щеках и едва заметному прищурю, а так же по полной неподвижности, поняла, что тот в шаге от срыва. Вспомнила, что еще до армии Толик получил звание КМС⁵ по боксу и что на пару со своим дружкой Генкой мог легко выстоять против четырех-пяти противников. Сама года три назад видела.

Чуть заметно нахмурившись, Оля шагнула вперед и хотела опустить руку приятеля с деньгами, но не успела.

– Такси найму, – тихо произнес Толик, переводя взгляд на дарителя.

– Найми. И вали отсюда. Чтобы я тебя больше возле Ольки не видел. Понял, чмо позорное?

Приятель Оли ростом Толику не уступал и выглядел далеко не хилаком. Но говорил как-то фальшиво. Однако главное уже сказал. И указал на место зарвавшемуся простоплюдину.

Где-то там, в далеком небытие, прадеды обеих парней дружно вздрогнули от ужаса. Ибо некогда отдали свои жиз-

⁵ Кандидат в мастера спорта.

ни за то, чтобы больше никто никогда на русской земле не мог говорить другому такие слова.

Толик покосился на встревоженную Олю, перевел взгляд на наглеца, взял из его руки купюры, отметив довольный оскал «золотого мальчика», сжал их в кулаке и резко, без замаха ударил точно в подбородок врага.

Тот рухнул как подкошенный, словно из него вытащили стержень. Оля вскрикнула. Толик бросил на поверженное тело деньги и шагнул к девушке. Он даже не знал, что сказать, давя в себе желание просто обматерить эту дуру, но приятель побежденного, выйдя из оцепенения, вдруг сунул руку за спину и вытащил пистолет.

Это был «Вальтер ППК», самая знаменитая модель известной фирмы, старая, но не потерявшая своей главной способности – поражать цели.

– Сука! – нервно и излишне громко выкрикнул второй представитель «элиты» и направил оружие на Толика.

Тот успел оттолкнуть оцепеневшую Олю в сторону и шагнул к противнику, быстро соображая, травмат⁶ это или нет?!

Выстрел бахнул как-то приглушенно, сильно ударило в левое плечо, но Толик устоял на ногах, от неожиданности не почувствовав боли, и опять шагнул вперед.

Стрелок вновь надавил на спуск, но выстрел не прозвучал. Побелевший от напряжения палец опять вдавил крючок, и

⁶ Травматический пистолет.

снова бестолку. Передернуть затвор и дослать новый патрон стрелок не догадался.

Боль пришла, когда Толик взмахнул левой рукой, отбивая оружие в сторону. И удар вышел сильнее, чем хотелось как раз из-за боли.

Второе тело растянулось на асфальте, при этом горе-стрелок угодил затылком на бордюр, издав глухой звук.

Только тогда Оля выплыла из оцепенения и закричала.

Когда приехала полиция, Толик сидел на бордюре, прижимая носовой платок к плечу, и смотрел мимо стоявшей у машины Оли. Тот, кто отдал Толику деньги, с трудом встал на ноги, кривя губы. Второй так и лежал без движения, разбросав руки.

Полицейские сразу прибрали пистолет, осмотрели его и только потом обратили внимание на людей. Рослый упитанный сержант всмотрелся в лицо лежащего парня и хмыкнул.

– Это же сын Левняка! А этот... Забордян-младший, – сержант бросил на Толика злой взгляд. – Это ты их?

Толик с трудом встал, чувствуя головокружение, и негромко ответил:

– Этот стрелять начал...

Второй полицейский повертел в руке пистолет, зачем-то понюхал ствол.

– Да? – сержант недоверчиво покрутил головой и подошел к Толику вплотную. Кровь на футболке и прижатый к ране

платок словно не заметил. Ткнул кулаком в грудь Толика. — А, по-моему, это ты хотел их убить.

Оля обхватила себя за плечи, сдерживая дрожь, ей хотелось что-то сказать, объяснить, но необъяснимый страх словно сковал губы. Она только ойкнула, когда сержант обошел Толика сбоку, словно желая подойти к машине, а потом вдруг с разворота сильно ударил его по затылку.

Толик едва устоял на ногах, возмущенно вскрикнул и попытался разорвать дистанцию, Но второй удар в спину бросил его на асфальт. Боль в ране стеганула вдоль плеча, в глазах заиграли черные круги. Следующего удара он не почувствовал.

Второй полицейский не понял, с чего вдруг старший экипажа завелся и стал избивать парня. Но спрашивать не стал, давно уяснил, раз сержант что-то делает, мешать нельзя. А лучше помочь. Так выгоднее. И он, подловив момент, тоже ударил Толика ногой. Вышло плохо, вскользь и полицейский едва не растянулся на асфальте под хохот сержанта.

Толик почти потерял сознание, с трудом перекатываясь на асфальте и прикрывая живот руками. Он так и не понял, почему полицейские бьют его, но спрашивать и не думал.

Визг тормозов подъехавшего внедорожника Толик не слышал, зато громкий окрик разобрал. И голос узнал. Голос его давнего друга Генки. И только тогда потерял сознание.

Старший сержант ОМОНа Геннадий Лоскутин в составе наряда прибыл к месту происшествия с задержкой. Их вообще не хотели отправлять, но кто-то из бдительных граждан позвонил и сообщил о стрельбе. Вызов с диспетчерской поступил в штаб ОМОНа и командир дал приказ проверить сигнал. В преддверии грядущего праздника города принимались повышенные меры безопасности.

Избивающие какого-то парня полицейские особого удивления у омовцев не вызвали, в последнее время таких эпизодов было все больше. Били, шмонали, забирали телефоны, деньги, кредитные карты, заставляя людей называть пин-коды. А за молчание опять били. Дошло до того, что при виде полицейской машины люди просто разбегались.

Но потом Генка вдруг опознал в жертве Толика Рывнова, быстро выскочил из машины и заорал: «Стоять!» Следом за старшим наряда выскочили еще два бойца. Вспотевший сержант остановился и недовольно посмотрел на омовцев.

– Чего надо?

Лоскутин, не слушая его, подбежал к Толику и поднял его голову. Потом обхватил за плечи и повернулся к своим.

– В машину!

...На следующее утро Толика опустили из отдела полиции. Правда, радости этот факт не вызывал. За прошедшие сутки произошло столько событий, что сил на какие-то эмоции просто не хватало.

Благодаря Генке его отправили в больницу, где провели несложную операцию по извлечению пули. Повезло, что патрон был слабый – 7,65 Браунинг, пуля зашла неглубоко и не тронула кость. Порвала мышцы, несколько мелких сосудов и застряла под ключицей. Да еще Толик сумел остановить кровотечение.

Затем обработали раны на затылке и спине. Это уже подарки полицейских. А главное зафиксировали все в справке, дав тем самым хоть какую-то защиту парню.

В полиции, куда потом отвезли Толика, его допрашивали оперативники и следователь. И тут Генка выручил, позвонил матери Толика, объяснил ситуацию и подсказал, что делать. А еще дал телефон нормального адвоката. Благо, что хватило денег на его услуги.

Генка и Толику успел шепнуть, как себя вести, не давать показаний до приезда адвоката и терпеть. Больше ничего боец ОМОНа сделать не мог, не его епархия. Только предупредил того сержанта-садиста, что можно и огрести за беспредел. С омоновцем сержант спорить не стал, зло скривился, но все руки больше не распускал. И то благо.

На допросе на Толика надели с двух сторон, обвиняя его в покушении на убийство и зверском избиении двух законопослушных граждан. Толик, как и было велено, ждал адвоката, лишь упомянул о пистолете и ранении. На что следователь издевательски заметил, что никакого пистолета не было. Мол, и ранение не настоящее, на арматуру напоролся.

Бить Толика не стали, но на психику надавили со всем умением. Яркий свет в глаза, дикий ор на ухо, сигаретный дым клубами и угрозы таких «ласк», после которых человек живет недолго и весьма болезненно.

Следователь четко выгораживал мажоров, выставляя Толика отъявленным бандитом. Требовал признаний, совал ручку и бумагу и намекал на знакомство со злыми сидельцами в СИЗО.

Приехавшего адвоката мариновали час, не допуская к клиенту. За это время замначальника РОВД успел переговорить с отцом Забордяна, получить презент и пообещать, что его сынок выйдет сухим из воды. Впрочем, ничего особенного Забордян-младший и не сделал, стрелял его приятель, вот с тем еще надо поработать. Когда выпишут из больницы.

Владелец раритетного пистолета Вадим Левняк отлеживался в больнице с не самым хорошим диагнозом. Под стражу его, конечно, не взяли.

Когда, наконец, адвокат увидел Толика, был уже вечер. Еще пару часов ушло на разбирательство. Адвокат честно отработывал гонорар и сумел повернуть дело в иное русло. Часть обвинений с Толика сняли, но потерпевшим упорно не признавали.

Приехавшую в отдел мать Толика к сыну не пустили и уставшая на работе женщина почти до ночи стояла возле отдела полиции (из помещения ее вставили без всякого предложения).

– Думаешь, соскочил? – зловеще проговорил Толику следователь. – Да ни хера! На суде по полной раскрутят, пойдешь зону топтать чушкарем! А пока живи!

Несмотря на все усилия адвоката, Толика продержали в отделе до утра. Следователь все строил планы как бы незаметно вывезти строптивного мальчишку в другой отдел и там допросить с пристрастием. Столь похвальное рвение было простимулировано хорошей суммой из рук отцов мажоров. И вполне конкретным обещанием обеспечить следователю свой дом за городом.

Но чертов адвокат сломал планы. Убрать его из отдела не получалось, а увозить Толика внаглую следователь не рискнул. В конце концов, было решено перенести «работу с клиентом» на следующие дни.

Возле отдела Толика встретила мать и на такси отвезла домой. Толик всю дорогу молчал и дома сразу ушел в свою комнату. Помимо всех прелестей знакомства с правоохранительными органами его мучила одна мысль. Олька фактически предала его, дав показания, что именно он напал на нее и обоих парней, а те только защищались. Мысль о такой подлости не давала парню покоя, и он проклинал продажную подружку, страстно желая высказать ей все это в лицо.

Днем пришлось снова ехать в полицию. Толик с подачи адвоката подал заявление о покушении на убийство. Два часа мыкался с бумагами, пока не приехал адвокат и не настоял

на приеме заявления. Следователь откровенно заявил, что работать по заявлению не будут. Столь наглое поведение вывело Толика из состояния апатии и он почти крикнул в лицо служителю закона:

– Но вы же полиция! Вы обязаны!

Адвокат одернул клиента и вежливо распрощался со следователем. А на улице растолковал удрученному Толику, что обязаны полиция и следователи только своему начальству. А на закон и прочие мелочи им наплевать.

– Как ты до двадцати лет дожил-то? Дитя малое! Радуйся, что тебя просто не пристрелили.

– Почему?

Адвокат усмехнулся. Наивность парня поражала.

– Потому что, дружок, здесь рулят бабки и власть, что сейчас почти одно и то же. Те, кого ты зацепил – люди очень богатые. И очень влиятельные. А полиция всегда готова им услужить. Как тот сержант, что месил тебя днем при свидетелях. Кстати, нам еще в управление собственной безопасности надо, на него и его дружка заявление составить.

– Там тоже не будут ничего делать?

– Посмотрим, – пожал плечами адвокат. – Кстати, ты где работаешь?

– В «Техремонте». А что?

– Хорошее место?

– Да.

Место и впрямь было неплохое. Толик с детства любил

копаться в разной технике, мечтал поступить в институт, но денег на обучение не было, а бесплатное образование осталось в далеком прошлом.

Сейчас он с подработкой получал почти сорок тысяч в месяц, иногда и больше выходило. Толик планировал поступать на вечерний, хотел стать инженером.

– А что? – повторил он вопрос.

Адвокат пристально посмотрел на парня, потом все же сказал:

– Скорее всего, работу ты потеряешь.

– Почему? – искренне изумился Толик.

– Левняк-старший хорошо знаком с хозяином «Техремонта», шепнет ему, чтобы тебя убрали.

– Да ладно! – не поверил Толик. – Я на хорошем счету, повыситься обещали. Начальник намекал, что и с институтом поможет.

Адвокат пожал плечами. Что тут скажешь, парень не глуп, но наивен.

– Ладно, поехали. Дел еще много. Да, вы ведь с матерью живете?

– Живем.

– А родня еще есть?

– Тетка в Пскове. Сестра отца. А что?

– Да уехать бы вам. Здесь могут достать.

– Эти? – мотнул головой Толик, непонятно кого имея в виду.

– И те и эти. В Горинске вам туго будет.

Предсказания адвоката сбылись. На следующее утро мать Толика едва не угодила под машину. «БМВ» темно-синего цвета вдруг выскочил на тротуар и прошел юзом вдоль ограды. Женщина увидела машину в последний момент и успела отпрыгнуть в сторону.

Из машины выбрался здоровенный мужик, зло посмотрел на женщину и рявкнул:

– Скажи своему выродку, чтобы заявления забрал. А то до суда не доживете. Ясно, курица старая?!

Машина рванула с места и исчезла за поворотом, а женщина еще несколько минут стояла на месте, унимая бешеное сердцебиение и преодолевая слабость в ногах.

Потом Толик долго успокаивал мать, сдерживая ярость и страстное желание пойти и набить морду всем этим Левнякам и Забордянам.

– Может, и вправду уехать? – прошептала мать. – Квартиру продадим, работу в Пскове найдем.

– Это наш город, мам! – возмущенно выкрикнул Толик. – Почему мы должны уезжать?

– Это не наш город, сынок. Это уже их город. Житья они нам не дадут.

Вечером зашел Генка. Форму снял, нацепил старые джинсы и льняную рубашку оливкового цвета. Приветливо кивнул матери и увел Толика в его комнату.

– Спасибо тебе, – запоздало поблагодарил приятеля Толик. – Спас тогда.

– Ничего. Главное, выжил. Что у тебя?

– Я заявление написал, эти двое тоже. Адвокат сказал, что огнестрел просто так не скрывать, так что вроде шансы есть.

Генка покачал головой.

– Пойми, не будет никакого разбирательства. Судье гостинец занесут и отправит он тебя леса валить лет на десять.

– Как?

– Так! Олька-то показания дала?

– Дала, – помрачнел Толик. – Типа я напал, а эти перцы оборонялись.

– Вот сука! – ругнулся Генка. – Говорил я тебе, не хрена на нее западать.

– А сам-то? – не удержался Толик. – До армии вместе за ней бегали.

– Бегали. И после армии бегали. Только я еще тогда понял, что она за человек. У нее бабки и шмотки на первом месте. А таких, как ты и я не замечает. Потому и к этому гандону прилипла. Они для нее свои.

– А мы?

– А мы, друг мой Толян – нищebroды. Быдло. Ты полсотни в месяц имеешь?

– Ну, чуть поменьше.

– Тебе повезло, есть работа. У нас неплохо платят. Но все равно мы для них – плебс. Не рабы, но где-то рядом.

– Завидно, что она со мной... – Толик оборвал себя, вспомнив предательство Оли.

Генка засмеялся.

– С тобой, конечно. Ее папаша второй особняк достраивает.

– В городе?

– Ха! – Генка фыркнул. – В Италии. Знаешь, сколько они гребут? Бюджет пилят еще до его принятия. Там не особняк, там поселок можно выстроить. Ладно!

Он махнул рукой, обвел взглядом комнату. Здесь все было, как и до армии. На серванте кубки и грамоты за соревнования, в углу на крюке груша, под ней гантели. В другом углу стол и компьютер, рядом диван.

– На маму напали, – сказал Толик. – Утром.

Генка помолчал, почесал нос.

– У тебя оружие есть?

– Какое? – не понял Толик.

– Гаубица, блин! Ружье есть?

– Нет. Я не оформлял.

– Вот именно. Плохо. Так хоть дом бы защитил.

– Думаешь надо? Я могу...

– Уже нет. Здесь ты ничего не купишь. Разрешители⁷ не подпишут заявление.

– Почему?

Генка вздохнул, с жалостью посмотрел на Толика.

⁷ Сотрудники лицензионно-разрешительного отдела.

– Ты наивный, как чукотский сапог. Толик, проснись! Ты под следствием. Пока оно идет, ты даже думать обо всем забудь. Да и потом не факт, что позволят. В городе вся верхушка и барыги друг друга знают. Один шепнет, второй кивнет и все.

Слова Генки перекликались со словами матери и Толик промолчал. Он вдруг понял, что последний год после армии жил в каком-то полусне. Работа, тренировки, Ольга, посиделки с приятелями. Свой мирок, за который он не хотел выходить.

А теперь оказалось, что мирка и нет. Подруга предала, власть готова сожрать, богатые подонки застрелить. И никто не поможет, не заступится.

Он и впрямь после армии захотел покоя и убедил себя, что все идет неплохо и жить можно. И, правда, наивный дурак!

– Ладно. Не страдай, – хлопнул по его плечу Генка. – Прорвемся. Только мать с работы встречай. И сам смотри по сторонам. Носи с собой отвертку или шило. Не забыл, как пользоваться?

Толик кивнул.

– Если эти пеньки предложат мировую и заплатят – соглашайся.

– Зачем?

– Потому что законным образом ты их не победишь. Останешься ни с чем. А так хоть компенсация за ранение. Понял?

В понедельник утром Толику объявили об увольнении. Начальник, пряча глаза, предложил написать заявление, потом отсчитал деньги.

– Держи. Это за последний месяц, премия и компенсация за быстрое увольнение. Извини.

Винить начальника было не в чем, Толик пожал ему руку и вышел за ворота. Предсказания адвоката и Генки сбывались с пугающей скоростью.

Вечером мать сообщила, что ее переводят из цеха, где она работала оператором, в простые рабочие. Вместо двадцати тысяч будет получать четырнадцать.

Родители мажоров мстили подло, но успешно. Наученный горьким опытом, Толик не стал качать права, не побежал в суд, и даже не выругался. Его грубо втолкнули в реальность, от которой он целый год успешно прятался.

В сети Толик списался с приятелями по секции, упомянул о своем несчастье. Ему тут же накидали ссылок на подобные случаи в городе и по стране. Толик опешил. Он и не знал, что подобное пережили тысячи человек. В ответ написал, что с этим надо как-то бороться, пока и вправду в рабов не превратили. Приятели позубоскалили и сменили тему.

Через день он встретил в магазине одноклубника по секции бокса. Тот приветливо кивнул и спросил:

– Ну что, пыл праведного гнева не угас?

– Это ты к чему?

– Да так. Зайдем в бар, напьемся апельсиновым соком.

Толик пожал плечами.

– Ну пошли.

В баре приятель уединился с какой-то подружкой, а к Толику подсел молодой мужчина и сходу сказал:

– Ты Толик? Здорово. Я Макс. Есть тема, пообщаемся на улице.

На провокатора он не очень походил и Толик после недолгого колебания вышел вслед за ним на улицу.

– Работу ты потерял, – начал Макс. – С законом и дельцами проблемы. Это плохо.

– А ты кто?

– Тот, кто может предложить тебе дело. Интересное. И шанс.

– Какой?

– Перестать быть биомассой. Опять почувствовать себя человеком. Хотя бы как в армии. Ты же в разведке служил?

– Да, разведрота, – растерялся Толик.

– Ну вот. Забыть вряд ли все успел. Ты вон на форуме плакался и сокрушался, что простой человек ничего не может. Один – да. А если не один?

– И что надо делать? Идти морды бить?

– Можно, но непродуктивно. Бить надо не по отдельным мордам, а по системе. Хотя и по мордам иногда неплохо! – рассмеялся Макс. – Завтра покажу тебе одно место и познакомлю с хорошими людьми. Посмотришь тогда и решишь,

как быть. Идет?

Толик чуть помедлил и пожал протянутую руку.

– Идет.

Суровый город Сурсак

Новую партию гастарбайтеров привезли ночью. Три автобуса битком набитые людьми, свернули с трассы и после маневров между остовами старых деревянных домов встали возле длинного барака. Две сотни мужчин в возрасте от двадцати до пятидесяти лет выгрузились на площадку.

Сархат – прораб и влиятельный человек в таджикской диаспоре – властно махнул рукой, разом прекратив приглушенный гомон, и громко произнес:

– Заселяйте барак. Дрова у стены. Умывальники в коридоре. Во дворе два колодца, туалеты тоже там. Есть печки.

– Обещали денег дать, – прервал Сархата чей-то голос.

Тот недовольно дернул головой.

– После начала работы. Все, идите.

Приехавшие вяло потянулись к бараку, рассматривая в тусклом свете двух слабых фонарей новое жилище.

К Сархату подошел старший группы, протянул несколько листов.

– Тут список.

– Паспорта проверил? Все в порядке?

– Да. Но рабочих виз пока нет.

– Не нужны визы, – усмехнулся Сархат. – Зачем деньги тратить?

– А милиция?

– Полиция, – поправил Сархат. – А что они? Они не мешают.

– Люди спрашивают, боятся...

– Нечего бояться. Надо работать. Работы много, тут торговые центры строить будут, дома. Дороги прокладывать.

Сархат пристально смотрел на собеседника, тот вежливо молчал. Прораб имел очень большое влияние в таджикской диаспоре и вообще среди всех мигрантов из Средней Азии. Он и среди русских пользовался авторитетом, а половина городских чиновников была с ним в дружбе. За эту дружбу они неплохо получали, причем не только деньгами. Но то дела личные, о них вслух не говорят.

– Ты всех проверил? – нарушил молчание Сархат. – Ловкие ребята есть?

– Есть. Я отметил, – вновь протянул прорабу листки собеседник.

Тот взял, скрутил в трубочку.

– Надеюсь, у них прошлых грешков нет?

Собеседник потупился.

– Кто-то воевал... давно уже.

– А те, кто воевал недавно? – насмешливо уточнил Сархат.

Старший группы не ответил.

– Я сам проверю. И чтобы здесь все было тихо! По городу не ходить, к женщинам не приставать. Вообще барак и двор

не покидать без команды. На работу будут возить. Продукты доставят.

– Без женщин плохо, – заметил старший группы.

– Ничего. Будут хорошо работать, привезем и женщин. Продажных сук хватает. У русских бабы красивые и недорогие. Но это по отдельной цене.

– Сархат, я насчет второй группы. Мы ехали вместе, но потом они отстали. Это не наши.

– Знаю. Они будут работать в другом месте. Ты не волнуйся.

Улыбка у Сархата вышла злой и старший группы виновато кивнул.

– Все, иди. Утром на работу. Так что подъем в шесть часов.

Через полчаса Сархат сидел за столом в небольшом кафе с нейтральным названием «Променад». Напротив сидел хозяин кафе Гапур. По документам он был ингуш, бывший бухгалтер и водитель. На самом деле он носил другое имя, имел другую национальность и совсем иной послужной список. Но уже пятнадцать лет его звали Гапур. А те, кто знал его прошлую жизнь, либо умерли, либо держали языки за зубами.

Сархат один из немногих, кто помнил прежнего Гапура и его старую привычку носить с собой складной нож. Этим ножом он мог легко отправить человека на тот свет за несколь-

ко секунд.

– Люди прибыли, проблем нет, все хорошо, все тихо. Спасибо, дорогой, – с улыбкой сказал Гапур. – Деньги я отправил твоему другу.

Сархат склонил голову, принимая благодарность.

– Среди моих есть люди с опытом. Они пригодятся.

– Хорошо. Но пока не надо их выделять. Пусть работают, как все.

– Полиция проверяет все места. Многих забрали, несколько человек сильно избиты.

– Это из-за той истории, – поморщился Гапур. – Один дурак испортил жизнь многим людям.

Дураком был узбек, молодой парень, приехавший полгода назад. Работал неплохо, был знаком с руководством диаспоры и состоял на учете, как перспективный человек. А сорвался глупо.

Случайно увидел рядом со стройкой двух девчушек лет тринадцати. Те в укромном месте пробовали курить марихуану. Где-то раздобыли косячок и теперь испытывали прелести запретного наслаждения. Узбек уже давно обходился без женщин и испытывал вполне понятные проблемы с избытком гормонов.

Погода стояла теплая, девчонки сбросили куртки и стояли у забора в обтягивающих леггинсах и тонких маечках, являя взгляду озверевшего от стояка рабочего свои вполне уже со-

зрелые формы.

Видимо, удар девичьего очарования пришелся точно в проблемную зону узбека, разом отрубив мозги. Когда девчонки ловили кайф, довольно хихикая и закатывая глаза, он подскочил к ним, одну оттолкнул в сторону, а вторую схватил поперек груди и потащил к старому полуразваленному сараю.

Девчонка сперва даже не сопротивлялась, только что-то мычала. Потом, когда узбек стащил с нее леггинсы и белье, стала отталкивать насильника руками. И только когда он резко вошел в нее, она заорала от боли и страха. Это подстегнуло узбека и он удвоил старания. А после завершения еще с минуту приходил в себя, лоя кайф и поглаживая бедро девчонки.

Подружка жертвы от ужаса пришла в себя и кинулась за помощью. Вскоре к стройке прибежали человек пять. В сарае нашли жертву насилия, а вот самого насильника и след простыл. Что удивительно, жертву не убил, даже не ударил.

Столь наглое нападение среди бела дня всколыхнуло город. Жертва – победительница конкурса красоты в подростковой категории, отличница. И тут такое!

Подстегиваемая общественностью полиция начала поиски. Девчонки лицо-то насильника разглядели, но описать его толком не смогли. Азиат и все. Но полиция упорно искала.

Диаспора нашла виновника гораздо быстрее. Доложили

Гапуру. Тот от злости на стены кидался. Как не вовремя! Только-только в городе стихли разговоры о мигрантах и преступности среди них. О засилии выходцев из Средней Азии, о дешевой рабочей силе и прочем. Сколько диаспоры денег отдали, чтобы в газетах и по радио не мелькали упоминания о мигрантах! Гапур лично отправлял щедрые подношения в администрации губернатора и мэра, накрывал для чиновников богатый стол, а потом отвозил в сауну и подкладывал под местное разжиревшее начальство стройных студенток.

Вроде стихли толки и на лицах людей при виде случайного мигранта не проступала злость. А тут на тебе, с разбегу на грабли!

Хуже, что этот кретин был задействован в кое-каких наработках и если полиция его прихватит... Можно и самим убрать, но как успокоить полицию? Сдать виновника, но так, чтобы его при задержании пришили? Это сложно.

Спустить дело на тормозах не удавалось. Руководство полиции, прежде лояльное, воротило нос. Люди в администрации города вообще на контакт не шли. Те, кто шел, сухо поясняли, что сейчас ничего сделать не могу.

Времени на исправление ситуации оставалось все меньше и Гапур уже был готов к самым решительным действиям. Вот только озвучивать все это сейчас Сархату не имело смысла.

– Поищи среди своих, кто может работать с сантехникой и электрикой, – сказал он Сархату. – Только чтобы точно уме-

ли.

– Хорошо.

– Тогда все.

– Деньги для работников, – напомнил Сархат.

– Завтра вечером. Еду вам к бараку возить будут, воду тоже, если надо. Никого никуда не пускать. Подбери надежных парней, пусть следят.

– Сделаю.

Гапур махнул рукой, прощаясь, и протянул руку к пиале с зеленым чаем, который успел остыть.

Он еще полчаса просидел за столом, чертя на салфетке одному ему понятные круги, овалы, ромбики, соединяя их стрелками, зачеркивая одни и рисуя новые. Что-то не выходило у него нужной композиции, и опять все зачеркивалось, а потом уже на краях салфетки возникали новые круги, ромбики.

Изрисовав салфетку с обеих сторон, Гапур скомкал ее, положил в пепельницу и поджег зажигалкой. Приподнял левую руку с вытянутым указательным пальцем.

За спиной возник официант – здоровый парень с наголо бритой головой.

– Кофе и коньяк. Армянский.

Официант так же бесшумно исчез.

Гапур проследил, чтобы вся салфетка сгорела, вилкой поворошил пепел, подставляя огню даже самые мелкие кусоч-

ки, потом взял со стола стакан и залил пепельницу водой.

Подошел официант, поставил перед Гапуром чашку с кофе и рюмку с коньяком. Протянул руку к пепельнице.

– Не надо.

Рука замерла.

– Иди.

Горячий кофе Гапур пил мелкими глотками поочередно с коньяком. Варварски мешать оба напитка не стал.

Ромбики и овалы должны бы сойтись. Может, еще пары не хватает?! Надо снова посчитать. И только потом докладывать результаты своих изысканий. А докладывать уже скоро. Как время-то мчится.

Подсчетами занимался и замглавы администрации города. У него все сходилось прекрасно. Счет в Австрии, счет в Италии. С последнего все пойдет в Швейцарию. А с австрийского на оплату дома на берегу теплого моря и за учебу сына. Оболтус, конечно, но голова варит, так что выгодное вложение капитала. Остальные счета можно не трогать, пусть рента идет.

Как же ко времени эта история с насильником! Когда бы еще уважаемые люди зашли в гости, долго просили, уговаривали, клялись все сделать, лишь бы потушить пожар народного гнева. Ха! Нашли гнев! Вот когда губернатор, накрученный из Москвы, грозил прислать аудит на подконтрольные фирмы и в банк, вот тогда сердечко екало. Неужто обо-

шли и первые шепнули о недостачах? Валидол с корвалолом рекой лились.

А что сейчас? А сейчас все прекрасно. И шеф доволен, ему вон сколько перепало, и гости довольны, обещал ведь сделать, что можно. И сам доволен, какие бабки упали в руки служителя народа. Ну почему только одну девку трахнули? Почему не пяток? А лучше бы десяток. Им-то что, десять минут в небо посмотрела или, хм, носом в землю полезала – и все! Они вон с двенадцати лет все целки ломают, на вписках⁸, за компанию и просто по приколу. Зато навар какой идет!

Ладно, то мысли приятные, но ведь и дело надо сделать. Позвонить главному редактору газеты, потом советнику по вопросам молодежи намекнуть, что нечего всякое там писать нехорошее о мигрантах. И уполномоченного по правам человека навестить, что-то он затих в последнее время. Опять у нарколога зависает? Сколько же в него лезет или печень синтетическая?! Ну и полиции напомнить, что всякие там митинги и протесты легитимны только с позволения власти. Даже если закон позволяет, решает все равно власть. Иначе на кой она?

Впрочем, народец может и не послушать. Продолжит справедливости и соблюдения закона требовать. Наивные. Ну пусть требуют. Может, гости еще разок зайдут, привет

⁸ Если и об этом не слышали, люди вы где живете? Развлекаловочка такая молодежная с нежно-эротическим подтекстом.

передать? Было бы неплохо.

Замглавы закончил подсчеты, убрал записную книжку в сейф и только потом вспомнил, что не посмотрел сводку УВД по преступлениям. Но это не к спеху. Шеф все равно только через два дня придет, есть еще время ужасы почитывать.

Чиновник встали из-за стола, довольно потянулся и посмотрел на часы. Продуктивно день прошел. С пользой. Теперь домой. Или... домой, но по другому адресу. Там молодая девочка ждет. Жена тоже молодая, но ей ближе к тридцати, а этой только восемнадцать стукнуло. Еще свежая.

Замглавы вспомнил причину визита гостей и хмыкнул. Ну да, всех на молоденькое тянет. Ладно, тогда второй вариант. А жене привычно совру. Мол, заседание, совещание и решение важных вопросов. До утра.

Игорь Смардин, студент первого курса Технологического Университета, домой не спешил. Опять там совместный плачь матери, бабки и тетки. Все причитают, охают, трут платками глаза. Надоело за два дня. Как только отец их терпит? Выгнал бы, пусть идут к тетке орут.

Да еще соседи с кислыми рожами ходят. Сочувствуют вроде, а некоторые злорадствуют. Мол, воспитали дочку, отличница называется! Косячки курит, а потом к мигрантам пристаёт. Вот и попала под раздачу.

Мать от таких слов опять реветь начинает, отец матерками

заворачивает, чуть не подрался вчера с соседом. Надоело!

Сестренку жаль. Олька, конечно, та еще вредина. Как тринадцать стукнуло, словно подменили. Переходный возраст, взросление. Фигурка стала оформляться, грудь округлилась. Наряды, косметика, журналы мод. Наказание одно. Правда, училась хорошо, но с этой студией красоты сколько хлопот. Выиграла конкурс, забила голову планами и мечтами о модельном бизнесе.

Кой черт понес ее к стройке? Где вообще нашла марихуану? Следствие пока молчит, подружка ее плачет и что-то лепечет о знакомом. Что за знакомый, у которого наркотиков полно?

А теперь Олька в больнице, ни с кем не разговаривает. Врачи обнадежили, ничего серьезного нет. Только синяки и ссадины, внутренности целы. Ну да, не девочка больше. Хотя если захочет потом, восстановят эту самую потерянную невинность. Вот бы еще нервы восстановить.

В университете Игорь никому ничего не сказал, но слухи по городу разошлись быстро. Тоже смотрят с любопытством, сочувствуют. Девчонки успокаивают, мол, ничего выжила ведь.

Только друзья по клубу не мямлили и слов сочувствия не говорили.

– Мочить их надо, чурок долбанных! – зло выдал Никита Быстров. – Совсем берега потеряли от безнаказанности.

Многие его поддержали.

– Хорошая идея! Только пустая, – возразил Олег Костров. – Полиция нас же и завернет.

Парни поутихли. Олег зря не скажет.

Пять лет назад Костров организовал первый городской клуб паркура. Вложил свои деньги, знакомые бизнесмены поддержали. Три десятка парней и девчонок с увлечением осваивали модное направление спорта и даже успели войти в тройку призеров межрегионального первенства. В городе Костров стал известной личностью, о нем писала пресса, показывали на телевидении. В спортивном мире авторитет Олега был высок.

Игорь занимался в клубе три года и планировал продолжать до окончания университета. Бег, прыжки, финты, драйв. Отменная физическая форма и прекрасное самочувствие.

– Но что-то делать надо, – не унимался Никита. – Сколько терпеть?

Костров только пожал плечами.

– От полиции толку нет, власти молчат, а чурки творят, что хотят.

– Собрать друзей и навестить этих гандонов, – предложил кто-то. – Выгнать на хер из города!

– Не дадут, – откликнулся Костров. – Бизнес на них бабки делает, платит гроши и никаких гарантий. Активисты бились

за запрет миграции, но толку? Власть сама поощряет.

– И как тогда?

Тренировка внезапно переросла в митинг. Высказывались, предлагали, настаивали. Но ни к чему конкретному не пришли. Да и не могли придти. Либо самим восстанавливать справедливость и нарушать закон, либо сидеть молча и ждать милости от власти.

– Бизнес за них, власть за них, – подвел печальный итог Никита. – Полиция не вмешивается. Нам-то как быть?

Игорь долго слушал друзей, не влезая в спор, а потом для себя решил, что первым делом купит ружье. А то в доме кроме кухонных ножей и топора ничего нет. Отец охотой не увлекался, к оружию был равнодушен. А наше время быть безоружным в своей стране стало опасно.

Через месяц Олег привез из Ижевска карабин «Сайга-12К». Для самообороны дома самое то. Вот только жизнь одним домом не ограничивается. И как защитить себя и родных на улице, не попав при этом под суд, Игорь пока не знал.

3

Точка невозврата

Крайняя перед принятием окончательного решения встреча проводилась в офисе юридического отдела частной компании. Меры безопасности были стандартными и практически полностью исключали возможность прослушивания. Тем не менее, опять никаких электронных носителей и иной аппаратуры.

– Данные по точкам, – разложил на столе листы бумаги Джон.

– Чьи? – уточнил Майкл.

– В основном их собственные, мы просто добавили фактов, которых нет в сводках. Полный расклад: структуры власти, бизнес, полиция, прокуратура, ФСБ, миграционные отделы. Средства СМИ, в том числе интернет-издания.

– Это интересно, но к чему такие подробности? Это уровень исполнителей среднего звена.

Джон переглянулся с Кеном, тот растянул губы в усмешке.

– Майкл, Джон пытается донести одну простую мысль. Нашей команде ничего и делать-то не придется. Фактически русские все сделали сами. Своими способами ведения бизнеса, методами управления регионами и страной они довели ситуацию до такого состояния, что она стала напоминать дырявый мешок с порохом. Достаточно случайной искры и...

Все что нам надо – просто сконцентрировать весь этот массив и направить его наружу. Проще говоря, пожар раздуют они сами, а мы загребем жар.

Майкл скользнул взглядом по листам, задержал внимание на итоговых цифрах и выводе аналитиков, скривил губы. За десятую долю всех проступков в какой-нибудь Австрии или Бельгии региональных боссов просто бы бросили в тюрьму и конфисковали все наворованное. А в Мексике или Боливии прихлопнули бы по приговору суда. Как русские позволили так себя унижать?

– Готовность? – спросил он.

– Стартовая, – ответил Кен. – Большинство спецов на местах, предварительная работа проведена. В выбранные регионы уже заведены параллельные сети коммуникаций. В соседних регионах группы контроля.

– Тогда пора давать отмашку, – подвел итог Майкл.

– Мой доклад руководству завтра, – сказал Кен.

– И мой отчет будет готов завтра, – Майкл посмотрел на Джона. – Ваша команда?

– Ждем сигнала.

– Отлично. Тогда давайте еще раз по этапам.

Джон кивнул, сгреб листы в сторону и стал методично излагать:

– Местные кадры уже проводят начальную подготовку, собирают информацию, накапливают технику, оборудование, инструменты, подбирают людей. Работа ведется не один ме-

сяц и даже не один год.

– Утечки на этом этапе?

– Исключены. Ни на одном уровне никто из исполнителей даже о промежуточных целях не знает.

– Остальные?

– Мы называем их волонтеры. Они будут на месте в течение двух-трех суток. Легенды, документы, прикрытие – все готово. Под них зарезервированы базы, дома, квартиры, залы.

– Обеспечение со стороны властей?

– Только со стороны силовиков. Так там называют...

– Я знаю, можно дальше.

– Местные власти либо просто не отреагируют, либо их реакцию можно легко блокировать. Аналитики прогнозируют массовый исход представителей власти уже на начальном этапе.

– Серьезно?

– Более чем.

– Их можно удержать? Возможно, потребуется присутствие для обеспечения нужной нам официальной реакции.

Джон пожал плечами и что-то отметил в своем блокноте.

– Есть варианты. Продумаем.

– Это важно. Как будет обойдена вероятная блокада регионов?

– Мы это предусмотрели. Вам схемы или...

– Не надо, просто скажите, готовы ли вы к работе в усло-

виях блокировки?

– Готовы. Кстати, половина персонала в соседних регионах будет работать по этому варианту.

– Дальше основная часть проекта. Старт в первом регионе, развитие ситуации, максимальное освещение и акцентирование внимания. А когда ситуация достигнет пика, будет дана команда к началу во втором регионе. И тогда произойдет дробление сил властей, расфокусировка внимания и привлечение дополнительных ресурсов.

– Хорошо. Спонтанные реакции за пределами регионов учтены?

– Мы прогнозируем их, однако согласно замыслу, никакого вмешательства там не будет. Дабы не распылять силы и не выходить из зоны невидимости.

Майкл побарабанил пальцами по столу.

– Однако сбрасывать со счетов этот фактор нельзя.

– Майкл, – подал голос Кен. – Мы не должны откусывать больше, чем можем проглотить. Весь расчет строился на полной секретности и непроявлении нашего участия. Добавь мы хоть немного усилий и нас засветят даже не их структуры, а наши. Что было изначально исключено.

Майкл покивал, перевел взгляд с Кена на Джона.

– Ладно, оставим пока. Думаю, вариант с расширением мы обговорим отдельно. Но в рамках наших планов. Давайте закругляться.

– Окей, – Джон заглянул в свой блокнот. – Операция до-

стигнет своего максимума на второй день с начала работы во втором регионе. Вот там мы прогнозируем решительное вступление в дело сил правопорядка, может, и армии. Наши спецы выдают высокий процент вероятности применения чрезвычайных мер.

– Они пойдут на это?

– Обязательно. Это не только потеря реноме на мировом уровне, это фактическое обнуление доверия со стороны своих граждан.

– Но граждане и так мало доверяют, если верить вашим же сведениям.

– Тут речь идет об актах гражданского неповиновения. Масштабных актах. И не только в указанных регионах.

– Что в итоге?

– Состояние грогги⁹. Спонтанные реакции, излишняя активность, нерасчетливые действия.

– Джон, я пять лет отдал боксу, – улыбнулся Майкл. – И даже успел провести десяток боев.

– Отлично. Ну а все предполагаемые варианты в нашем резюме.

– Важный вопрос. Можно ли проследить финансы, выделяемые на дело?

– Нет, – ответил Кен. – Мы изменили принцип финанси-

⁹ «опьянение». Возникает при получении удара в нижнюю челюсть и сотрясении вестибулярного аппарата, проявляясь главным образом в виде головокружения.

рования, кстати с вашей подачи. Ни цента от нас. Ни цента от подконтрольных нами фирм. Ни цента от сторонних компаний. Всю тяжесть вынесут на себе... русские.

– То есть?

– Несколько крупных бизнесменов из России примут участие в благотворительных акциях. Перешлют на счета неких фондов хорошие суммы, окажут помощь редким животным, национальным паркам Африки, детям Полинезии.

– Это не проследят?

– Никак. Они с радостью отдадут деньги, ибо им намекают, что скудость может обойтись гораздо дороже. Прецеденты уже были, помните? Никто не захочет потерять все и оказаться за решеткой.

– А мы не распугаем этих добрых самаритян? Остальные чего доброго...

– Майкл, а куда они денут свое добро? В другие банки, на другой континент? Или вернут домой? Нет, они будут платить. Столько, сколько мы скажем. Хотя и опустошать карманы полностью мы не планируем.

– Схемы проработаны, средства начнут поступать через сутки, – добавил Джон.

– Что ж, это даже лучше, чем мы планировали изначально, – довольно потер руки Майкл. – Кстати, как вы назвали нашу идею? Проект?

Джон рассмеялся.

– Наши парни пошутили. Проект управляемого хаоса. Од-

но слово мы убрали, так проще.

– Проект хаоса? Что ж, довольно точно. Давайте посмотрим, что из этого выйдет.

Точка невозврата – момент, когда есть еще возможность отменить задуманное, повернуть назад, отступить от плана. Словом, дать задний ход.

Эта точка была пройдена в тот день, когда пришло высокое одобрение представленного плана и дано четкое указание начинать операцию. С этого момента отменить операцию могло только событие чрезвычайной важности. Вроде мировой войны, природного катаклизма или планетарной катастрофы. Но в обозримом будущем такие казусы не прогнозировались, так что отмены операции ждать не стоило.

В представленном плане в разделе «предпосылки и сопутствующие факторы» обращал на себя внимание один пункт. «Высокая вероятность успеха реализации проекта обусловлена не столько каким-то вмешательством извне, сколько полной неспособностью властей указанной страны хоть как-то изменить ситуацию. И что более важно – абсолютным нежеланием это делать...»

4

Горинск. Незаметные гости и местные будни

Первыми прибыли техники. Им предстояло организовать несколько мобильных пунктов управления, в том числе подготовить дополнительные каналы интернета и радиосвязи. Главным образом не в самом городе, а в соседних населенных пунктах на удалении до ста километров. Часть персонала вообще разместилась в поселках соседней области, дабы иметь возможность подключения к их сети. Все это готовили на случай масштабного глушения любых видов связи и полного отключения сотовых сетей.

Следом за технарями прибыли психологи, аналитики, специалисты по управлению кризисами, способные в кратчайшие сроки «разбудить» народ и вывести его на улицы под различными, зачастую прямо противоположными лозунгами.

Это группа работала в тесной связке с технарями, ибо большей частью основной массив информации поступал из сети. Хотя значительный пласт данных шел от «активистов» – агентов с улиц. Все сплошь местные кадры, завербованные или внедренные кто год назад, а кто и десять.

Почти одновременно со второй группой прибыла команда

управленцев. А последними приехали специалисты по эвакуации и прикрытию. На них была финальная часть операции, вывод персонала, вывоз или уничтожение техники, при необходимости обрубание «хвостов», отсечение слежки и вполне вероятного перехвата.

Проблем с адаптацией не возникло, все задействованные в операции сотрудники были русскими (без условного разделения на белорусов и украинцев). Так изначально и планировали, дабы исключить любой намек на импортные следы.

Была и еще одна команда. Она работала на месте почти два месяца, готовя все протестные и силовые акции. Команда состояла из нескольких групп. Именно они рисковали больше всех, ибо им было труднее всего скрывать свое присутствие и активность. Поэтому их маскировке уделили самое пристальное внимание. Однако как не маскируй, все равно что-то да вылезет. Так что спецы ходили по грани. Оттого и гонорары их сильно отличались от гонораров других в большую сторону. И это справедливо.

Координатором команды «Дуэт» стал Крон. Псевдоним взят с потолка и никак не был связан с прежними прозвищами специалиста и тем более, никак не напоминал его настоящие имя и фамилию.

Опыта работы подобного рода у Крона хватало, хотя в таких условиях и при таком раскладе он еще не действовал. Здесь было и проще и сложнее одновременно. Поэтому еще

перед приездом Крон скрупулезно изучил все данные по региону, в том числе и выводы аналитиков, а потом затребовал дополнительную информацию по всей управленческой верхушке города и области.

В России Крон не был несколько лет и, хотя хорошо знал реалии бывшей Родины, но все же некоторые аспекты вызвали у него удивление. Он даже настоял на внеплановой встрече с руководителем аналитической группы. Выведя на экран огромного монитора наиболее интересные разделы доклада, он спросил:

– Насколько обоснованы эти выводы?

– Полностью. Вероятность девяноста девять и две девятки после запятой.

– Они что, реально так закрутили дела? – недоверчиво уточнил Крон.

– Так и есть. Никакой натяжки. Мы не подгоняли цифры под желаемое. Даже прогноз дали усредненный, чтобы картина не выглядела совсем уж... критической.

Крон всматривался в монитор, потом растерянно пожал плечами.

– При таком раскладе мы там и на хрен не нужны. Они же сами вот-вот на улицы выйдут.

– Именно, – кивнул аналитик. – Потому и сыграть надо... как в бильярде – на тоненького, если понимаете.

В бильярд Крон играл и намек понял.

– «Чужой» уже «свесил ножки» в лузу. Надо только ед-

ва-едва подтолкнуть его. Буквально дунуть. И он сам свалится. Причем со стороны никто ничего не заметит. Тем более, в таком антураже.

Всех деталей плана будущей операции аналитик, конечно, не знал. Но по роду своей деятельности догадывался, что готовят в данном регионе и как все вероятно произойдет.

Крон тогда не ответил на реплику, но сравнение с бильярдом запомнил. Оно понравилось, ибо в точности описывало ситуацию. Именно с этого Крон и начал работу на месте, когда впервые собрал управляющую группу.

– Минимум вмешательства. Минимум действий. Наблюдаем, фиксируем, сопровождаем. Наша работа будет напоминать легкое касание бильярдного битка по шару, чтобы подправить его в лузу. Сгущаем обстановку, группируем события, усиливаем тот фон, что уже витает над городом. Понятно?

Всем все было понятно. Среди управленцев тормозов и тугодумов не держали.

– Кто работает по местной «элите»?

Поднялись две руки.

– Отпрыски, родственники, их делишки, проказы, шалости, вплоть до самых безобидных. Все напоказ, все в сеть. Это одна группа. Сами бизнесмены, чиновники – другая группа. Каждое лыко в строку. И обязательно побольше смешных казусов. Пусть над ними сперва смеются. Потом сменим настрой и заставим скрежетать зубами.

Вопросов и уточнений не последовало и Крон продолжил.

– Третья группа – полиция, ГАИ, прокуратура, суды, другие структуры. Беспредел, беззаконие, «крышевание», отбор бизнеса, слияние с криминалом, взятки. Начинайте выкладывать все, особенно видео.

Дальше были группы по другим направлениям: ЖКХ, экология, преступность, неплатежи, медицина. Все это хоть и не носило принципиально важного характера, но вкуче с другими могло серьезно повлиять на обстановку.

– Доводим ситуацию до точки кипения, – подвел итог Крон. – И только здесь начинаем легонько подталкивать. Как раз тогда и потребуется активность нашей «добровольной дружины». От брошенного в старика окурка из окна «бентли» до невыплат пенсий и веерного отключения электричества. Вот тут надо сработать быстро и четко. Только тогда мы удержим кризис под контролем и доведем регион под ручку к финишу.

Крон обвел взглядом управленцев и негромко хлопнул в ладони.

– За работу!

...В ночной клуб «Приват Хаус» наряд ОМОНа прибыл по срочному вызову. Какие-то левые парни устроили бучу. Начальство потребовало на месте разобраться и наказать наглецов.

И, правда, в фойе клуба с охраной переругивались

несколько крепких ребят. Беседа шла на повышенных тонах, один охранник сидел в углу с разбитым в кровь лицом, по полу разбросаны осколки пивного бокала, в углу лежал перевернутый стул. Видно, вечер совсем перестал быть томным.

ОМОН с ходу влетел в разборку с вежливыми призывами «Стоять, суки!» «Не с места!» «Лежать, работает ОМОН!». Сопровождалось все это ударами прикладами и тычками.

Вопреки практике незваные гости на колени падать не спешили и рук не поднимали. Кто-то успел отмахнуться, кто-то уронил бойца отряда на пол. Один и вовсе сунул руку за пазуху пиджака.

ОМОН осерчал и заработал прикладами активнее. Численный перевес был на их стороне – восемь против четверых – так что вскоре гости все же попадали на пол. Один с разбитой головой, второй вовсе без сознания. Наряд потерял двух бойцов и еще двое поплыли после пропущенных ударов. Били залетные сильно и точно, метя в голову, а не в защищенные бронежилетами тела.

После такого наглецов обычно грузили в автобус и везли на базу, где хулиганам отвешивали еще пряников и только потом оформляли. За своих ОМОН готов был головы отрывать.

Но в этот раз все пошло не так.

Старший залетных гостей успел-таки извлечь руку из-под полы пиджака и явил старшему наряда «корочки».

– Управление следственного комитета по области! – глухо произнес он онемевшей от смачного удара челюстью. – Идет проверка. «Вальс!»

Последнее слово было кодовым. После него в фойе вдруг влетела еще одна группа затянутых в черную форму бойцов.

– Работает Главное управление наркоконтроля! Опустить оружие!

Стволы пистолет-пулеметов ПП-19-01 смотрели на омоновцев. Те, растерявшись, застыли на месте, не зная, как реагировать. Ситуация явно вышла из-под их контроля.

Следом за бойцами вошли несколько человек в гражданской одежде. Один из них показал удостоверение командиру группы ОМОН.

– Майор юстиции Уваров. Здесь проводится операция по пресечению незаконного оборота наркотиков. Вы напали на наших сотрудников. Немедленно освободите их.

Командир группы скользнул взглядом по удостоверению, мысленно выругался и дал отмашку своим.

– Вам и вашим людям надлежит ждать дальнейших указаний в автобусе. Не вздумайте уехать! Будете задержаны.

По настрою майора юстиции, по решительным действиям бойцов в черном, по тому, как злорадно улыбались вставшие на ноги «залетные», командир группы понял, что дело обстоит гораздо хуже, чем могло бы быть при обычных случайных стычках с коллегами. А запрет на отъезд и вовсе за рамками понимания.

«Кажется, влипли», – мелькнула здравая мысль. – «Надо доложить начальству».

И словно подслушав его мысли, майор юстиции протянул руку.

– Радиостанцию и мобильный телефон. Живо!

Следственный комитет и управление наркоконтроля сработали быстро и четко. Кроме последнего эпизода в ночном клубе в прокуратуру были отправлены материалы по нескольким делам. И везде фигурировал ОМОН. «Крышевание» бизнеса, прикрытие наркодельцов, вымогательства.

ОМОН теперь входил в состав войск нацгвардии, поэтому тут же возникла перепалка между ведомствами. Но доказательства имелись железные и региональное руководство нацгвардии вынуждено было отступить.

Операция следственного комитета задела СОБР и отдел неведомственной охраны. Им вменялись поборы с торговцев, необоснованные задержания и изъятия электронной техники. Трое бойцов СОБРа были пойманы во время переговоров с преступниками о разделе сфер влияния.

Последовали новые задержания и отстранения. Командир СОБРа и трое сотрудников угодили за решетку.

Городские СМИ вдруг разом выпустили обличающие статьи, где гневно клеймили «оборотней в погонах» и хвалили следственный комитет, который отважно встал на защиту закона и порядка.

Шум дошел до Москвы и там потребовали объяснений. А так же прекращения травли нацгвардии. Но посланные в столицу документы ясно говорили о больших проблемах у новой структуры. Москва потребовала снизить накал страстей.

Толик Рывков встретил подавленного Генку Лоскутина возле своего дома. Тот недавно переехал сюда, обменяв родительскую двушку на такую же, но большей площади. Генка пригласил приятеля домой обмыть новоселье и поговорить.

– Историю с ночным клубом слышал? Вот. У нас сейчас такой шорох! Семеро под арестом, три десятка под следствием. Почти треть отряда за штатом. Полсотни уже заявления написали, работу ищут. В полицию их вряд ли возьмут, нацгвардия сейчас с МВД на ножах.

– За дело тягают или как?

Генка мазнул злым взглядом по приятелю, пожал плечами. Достал из холодильника бутылку водки.

– Вмажем?

Толик отрицательно помотал головой.

– Не. Я в завязке полной.

– О как!

Генка все же налил водку в две рюмки, взял свою и легонько ударил по второй. Опрокинул рюмку, выдохнул и зажевал куском хлеба с намазанной горчицей.

– Кого за дело, кого за компанию. Наши молчат, но явно шуганулись. Да еще командование почти все полетело. На-

чштаба пока дома, но могут арестовать. Командир мечется, каждый день к следакам ездит. То ли взятки сует, то ли свои погоны прикрывает.

– В сети писали, СОБР тоже нарвался, – уточнил Толик.

– А-а, все нарвались! А то типа не знали, что менты свои дела крутят.

– Так вы теперь не менты, а эти... гвардия наци.

Генка строго посмотрел на Толика.

– Какие наци? Сбрэндил?

– Ну, нацгвардия, гвардия наци. От перемены мест слогов суть не меняется.

– Не тренди! Меняется. Я что, на нациста похож?

– Угомонись! Это просто название.

Генка явно был на взводе и юмор не воспринимал. Хотя не такой уж это и юмор.

– Тебя-то не трогали? – сменил тему Толик.

Генка покачал головой.

– Я ни при делах. Так, пару раз выезжали... поприсутствовать.

Генка сбился, явно раздосадованный оговоркой. Толик хлопнул его по плечу.

– Не ссы, мне-то можешь сказать. Я закладывать тебя не собираюсь.

Он хмыкнул, вдруг представив себя крадущимся в офис следственного комитета с заявой в руках.

Видимо, Генка тоже это представил, скривил губы.

– Ну так ты остаешься?

– А чего еще делать? И года не прослужил. Вон только на заочный поступил, хотел офицером стать. Были мысли потом в СОБР перейти.

Он налил по второй, так же залпом махнул и закашлял – водка пошла не в то горло. Толик пару раз хлопнул его по спине и отставил рюмку.

– Хорош с тебя, не лезет.

Генка прокашлялся, смахнул слезу с ресницы и вздохнул.

– Ты как насчет пообедать? Вчера мясо пожарил.

– Я только поел. А ты давай, налегай.

Генка достал из холодильника тарелки с мясом и овощами, разбил над сковородкой два яйца.

– Слушай, у тебя-то что? С этими гандонами не виделся?

– Не-а. Пока отвалили. Хотя повестку получил, послезавтра к следаку.

– И что там?

Недавние разборки в правоохранительных структурах города оказались на руку Толику. Его перестали тягать в полицию и заставлять забирать заявления. Пропали типы, что напугали его мать. Адвокат намекал, что есть шанс выйти из дела.

Новости радовали, но никаких других подвижек не было. Его заявления так и повисли, новостей не приходило. И что там могло выйти – еще вопрос.

Толик не знал, да и не мог знать, что недавние распри затронули и отдел вневедомственной охраны. Несколько человек тоже угодили под следствие, других заставили написать заявления по собственному. Эти пока еще не попали на крючок следователей, но могли влипнуть.

Среди таких «счастливчиков» были те самые бойцы, что избивали Толика при задержании. Им стало не до какого-то парня с улицы, самим бы выскочить целыми.

Генка выслушал приятеля и сказал, что дело реально могут замять. Но придется идти на сделку с другой стороной.

– Тебе их не достать. Там такие подвязки, глухой номер. Хоть генпрокурору пиши.

– А эти, патрульные?

– Вневедомственная охрана. Они теперь тоже в нацгвардии. Этих могут привлечь, если будет доказуха. И если начальство сдаст.

– Ладно, посмотрим, – буркнул Толик. – Таких сволочей прощать нельзя.

– Плечо как?

– Заживает. Рукой двигаю. Через недельку пройдет.

– Повезло, что тот мудака в голову не попал.

– Ну да.

Генка ловко переложил со сковородки в тарелку ломти мяса и яичницу, нарезал хлеб, достал кетчуп. Кивнул на тарелку.

– Может, за компанию?

– Не, я пас. Приятного аппетита.

– Угу, мерси. Тогда я быстро. С работой у тебя как?

Толик уклончиво пожал плечами.

– Устроился охранником на склады.

– А по деньгам?

– Пятнашка.

– Не густо. И как работенка?

Толик посмотрел на жующего Генку, соображая, что сказать.

Некая общественная организация «Буран» выкупила в пригороде земельный участок, на котором стоял заброшенный завод, и создала там спортивный комплекс – секцию единоборств, бассейн, страйкбольный клуб.

Новый знакомый Толика Макс Яворский руководил спорткомплексом. Он, как и обещал, организовал встречу с директором «Бурана» Андреем Покровским. Толик рассказал им о себе, поведал об истории с дракой. Те беде Толика посочувствовали, предложили временную работу – охранять склады. Зарплата не ахти какая, пятнадцать тысяч, но и это было благом. Нашел бы Толик работу в городе – вопрос.

– Мы организуем военно-спортивную команду для участия в соревнованиях и выступлениях, – рассказал Покровский. – За это идет доплата. Так что как плечо заживет, можешь приступать. Думаю, тест пройдешь. Ну а остальное по-

том обсудим. Идет?

Толик согласился. Новые знакомые были людьми нормальными, дело предлагали тоже нормальное. Да и потом, куда еще идти безработному, который успел нажить себе столько врагов?

О том, что «Буран» не просто спортивный клуб, и сотрудники не только охраняют склады и стреляют из маркеров, он догадался чуть позже. Когда его познакомили с товарищами по работе и тренировкам. Были здесь в основном те, кто так или иначе пострадал от действия или бездействия властей. Кто имел проблемы с полицией, будучи невиновным. Кто по прихоти бизнесменов потерял работу. Чьи родственники угодили под пресс из-за стремления добиться порядка, отстоять свои права.

Все они к власти питали не самые теплые чувства и имели зуб на конкретных людей. От главы администрации города или района, до владельца фирмы, сотрудника полиции, налогового инспектора.

Кое-кто из парней поведал свою историю попадания в «Буран» и Толик узнал, что далеко не одинок в своих проблемах. Есть эпизоды и похуже.

Рассказывать все это Генке Толик не стал, поведал лишь, что работает охранником и тренируется в клубе.

– Доплачивать еще обещали за переработку, – добавил он. – Так что прожить можно.

Генка покончил с едой и понес тарелки в мойку.

– И то ладно. Если вдруг меня со службы попрут, тоже пойду к вам.

Он фыркнул, покрутил головой.

– Только что будет, если ОМОН и СОБР разгонят? Кто за них работать станет?

5

Горинск. Все веселее

Новый импульс противостоянию силовых структур придал эпизод с аварией. Летевшая по вечерней улице «тойота» вдруг резко вильнула и буквально протаранила маршрутное такси. Удар отбросил маршрутку на фонарный столб. Три пассажира погибли на месте, еще пятеро получили тяжелые травмы. Заблокированный сломанным рулем водитель истек кровью.

«Тойоте» тоже досталось. Водитель, зажатый подушками безопасности, уцелел, а вот пассажиру не повезло, вторая подушка не сработала, а ремень безопасности накинута не был. Перелом шейных позвонков, черепно-мозговая травма и смерть на месте.

Прохожие бросились на помощь пассажирам маршрутки и вызвали скорую. Кто-то вызвал и полицию, приехавший наряд спас от расправы хозяина «тойоты», который кое-как вылез из машины и хотел сбежать.

Вроде бы незначительное происшествие наделало шуму и сразу изменило ситуацию. За рулем «тойоты» сидел Альберт Забордян, сын известного бизнесмена и мецената. А погибший – Эдик Скордак, студент университета, а что главное – племянник начальника местного управления следственного комитета.

Полиция попыталась замять дело. Записи нескольких видеокамер были «испорчены». Свидетелям настоятельно порекомендовали изменить показания, а самым упертым пригрозили проблемами. Среди упертых были родственники погибших пассажиров. В пылу усердия следователи и сотрудники полиции пообещали тем не выдавать тела погибших.

Кто-то из родственников умудрился записать это безумие на смартфон и ролик набрал в сети сто тысяч просмотров за неполный день.

Еще один ролик набрал не меньше – случайный зевака записал момент аварии. Так что все вопросы о виновнике отпали сами собой. Попытка заблокировать канал ничего не дала.

Начальник регионального управления войск нацгвардии лично проконтролировал запрос в Генпрокуратуру относительно происшествия. И добавил к нему видеозаписи и свидетельские показания.

Склока между силовиками грозила выйти за пределы области, что не устраивало никого. И обе стороны начали торг, решая как быть дальше и чем жертвовать ради прекращения необъявленной войны.

Интернет-издание «На закате» опубликовало оба видеоролика об аварии, а так же напечатало большую статью «Город под угрозой», где довольно жестко и остроумно показало, что происходит в городе и кто виновник напряженной

ситуации.

Менее известные издания и отдельные блогеры подхватили почин и интернет запестрел хлесткими заголовками. Полусонные оппозиционеры, забытые даже полицией и местным управлением ФСБ, вдруг вышли из дремы и отреагировали на происшествия панегириками наоборот в стиле «Все тупые, я умный». Досталось и городской администрации, и губернатору.

Видимо, эхо местных разборок дошло до столицы, ибо оттуда последовал очередной окрик. А начальник управления ФСБ получил команду уточнить обстановку и выступить в роли третейского судьи.

Но видимо, даже ранг представителя столь серьезной конторы не впечатлил обе стороны. И следственный комитет и нацгвардия почти одновременно выложили компромат на госбезопасность.

Оказывается, местные чекисты тоже запачкали руки участием в торговых сделках, лоббированием иных бизнесменов и тесным сотрудничеством с различными предприятиями и фирмами.

Получив двойной удар, начальник управления ФСБ пригасил рвение и стал искать выход из неудобного положения.

Таким образом, все силовики области и местные власти увязли в разборках, взаимных обвинениях, тяжбах и жалобах. А СМИ от официальных газет и телеканалов до интернет-изданий с радостью подхватили местечковую войну и

лили ушаты грязи вперемешку с фактами и домыслами.

Среди погибших пассажиров микроавтобуса была двенадцатилетняя девочка. Ее отец принес в полицию заявление и приложил к нему видеозаписи аварии. Пока он оформлял документы, в кабинет вошли два типа и предложили компенсацию за дочь в обмен на заявление.

Мужчина – молодой еще человек тридцати пяти лет, офицер запаса – послал типов куда подальше и посоветовал им запихнуть деньги в задницы. Те, не стесняясь присутствия сотрудника полиции, пообещали мужчине массу проблем в жизни. И намекнули, что кроме дочери у отца еще есть маленький сын, жена, родители, и следует подумать о них.

Ответ был еще более красноречив. Отдав документы и получив уведомление о подаче заявления, мужчина вышел из отдела полиции и уже на улице угодил в ловушку. Трое в масках внезапно выскочили из подворотни с битами наперевес.

Одного мужчину успел приложить, но под градом ударов вынужден был отступить. Он уже поплыл от пропущенных тумачков, когда на помощь пришли прохожие. Нападавшие исчезли, а мужчина оказался в больнице.

Известие о нападении через час разнеслось по городу. Стало известно, что предложения замять дело поступили и к родственникам других погибших. У здания мэрии собралась толпа человек в триста. Требовали главу администрации и начальника полиции.

Власти уважили людей взводом ОМОНа и ротой патрульно-постовой службы. Бравые охранители закона начали отеснять людей от здания. Толпа стояла. В ход пошли резиновые палки. Самых упертых потащили в автобус.

В начавшейся свалке пострадали два десятка человек, а пожилую женщину увезли в больницу, где она умерла от инсульта.

Теперь уже загудели полгорода. Особенно, когда узнали, что уголовные дела в отношении виновника аварии и в отношении сотрудников полиции и нацгвардии, избивавших людей, так и не завели.

Новый стихийный митинг собрал больше двух тысяч человек, хотя официальная пресса объявила о трех сотнях «provokatorov и byanov».

Ослабленный разборками и увольнениями ОМОН выставил всего сто человек. Полк ППС добавил полторы сотни. Еще полсотни наскребли с других служб. На помощь хотели прислать сотрудников частной охраны, но из двенадцати предприятий ЧОП, куда звонили из мэрии, девять сразу пошли в отказ, а остальные выслали по десять человек и только в качестве охраны здания. Полиция такое подкрепление не оценила и оправила бравых чоповцев обратно.

Митингующие требовали главу администрации и губернатора. Инициативная группа из десяти человек попыталась войти в здание мэрии, но полиция никого непустила. Попытка решить вопрос миром ничего не дала, непустили да-

же двух человек.

Глава администрации названивал губернатору и начальнику управления нацгвардии, но оба молчали. Брать на себя ответственность за разгон или диалог с народом никто не хотел. Тогда мэр, кляня все на свете, вышел к людям. С трудом поборов страх, пообещал во всем разобраться, лично проконтролировать подачу заявлений и проследить за ходом расследования.

Народ особого доверия к городскому начальству не испытывал и потребовал было приезда губернатора. Но тут уже в самой толпе кто-то начал агитировать за примирение. Мол, посмотрим, что сделают власти, а потом уж спросим. Через час люди разошлись.

Глава администрации принял успокаивающие и тут же решил уйти в отпуск. Такой нервотрепки он не испытывал никогда. И не был готов пережить подобное еще раз.

Внезапное изменение настроения митингующих никого из представителей власти не удивило, решили, что люди сами отступили. Между тем, в толпе активно работали агенты из команды координатора Крона. Резкое обострение обстановки прежде намеченного срока в его планы не входило. Хотя сам митинг и причины его появления играли Крону на руку.

Поэтому и была дана команда успокоить народ, но не гасить пыл полностью, а перенаправить на более поздний срок. Зато блогеры и интернет-издания буквально взрывали

сеть. Видео с митинга, видео из полиции, с улиц. Комментарии, мнения, призывы. Старшее поколение в сети не сидело, зато среднее и младшее именно оттуда черпало основную часть информации. А телевизор только дополнял общую картину.

Но местные каналы и тем более центральные о митинге и вообще об обстановке в Горинске ничего не сообщали. Зонтик молчания висел над городом прочно.

Замученные разборками с коллегами и своими внутренними заботами, ослабили контроль над обстановкой и сотрудники УФСБ. Доклады в центр шли в обычном режиме, но ничего особенного не содержали.

Тем более ничего не докладывали в центр МВД, нацгвардия и администрация. Следственный комитет тоже не спешил радовать столицу подробностями местных дрызг. Город как бы выпал из информационного поля, ушел в тень. Только интернет бурлил и кипел, но его активность была неофициальна и на нее властные структуры внимания не обращали.

Создался тот самый момент, когда можно было проводить почти любую акцию, не опасаясь раскрытия замысла ни до начала, ни при старте.

6

Гости в Сурсаке

С утра Гапур поехал в Леонидовку. Свой «лексус» оставил в гараже, доехал на автобусе до вокзала, сел в электричку и через пятнадцать минут уже сходил с перрона. Еще через десять минут он вошел в неприметный домик на Рабочей улице.

По дороге Гапур осторожно проверился, сделал небольшой крюк, но слежки за собой не заметил. Никого не интересовал среднего роста мужчина в простой одежде, в кепке и коротких сапогах, со старой сумкой на плече. Таких здесь хватает. Обычный сельчанин, только чуток более загорелый.

Калитку невысокого забора он открыл сам, но старую с потрескавшейся краской дверь в дом распахнули изнутри. Смутный силуэт в сенях слабо шевельнул рукой.

Гапур скинул с плеча сумку и поставил ее на табуретку, повернулся спиной к силуэту. В полной тишине различил едва слышный писк датчика. Его проверили с помощью детектора. Ни оружия, ни электронных устройств не нашли.

Гапур кивнул на сумку, мол, там все. Силуэт похлопал Гапура по плечу и указал на дверь в гостиную. Гапур открыл дверь и зашел внутрь.

В приглушенном свете лампочки он разглядел стоящего возле стола человека. Небольшая борода, усы, короткая

стрижка, на носу очки. Разглядеть черты лица невозможно.

– Проходи, – на чистом русском произнес хозяин вместо приветствия.

Гапур шагнул к столу, сел на стул и положил руки на колени.

– Как доехал?

– Тихо. За мной никого.

– За тобой мои ребята, – с едва уловимой иронией поправил гостя хозяин. – Вели от дома. Но ты прав, чужих никого.

Гапур промолчал. Что его будут вести, он понимал. Правда, рассчитывал заметить слежку, но люди хозяина дома были мастера своего дела и обнаружить себя не дали.

– Зови меня Тимур, – продолжил хозяин. – Имя будешь знать только ты. Никому из своих не называй. Это имя будет паролем при контактах на горизонте.

Гапур кивнул. На горизонте – это контакты с руководителями других групп, которые будут работать по своим задачам. На этапе подготовки такие контакты исключены. Более того, факт даже случайной встречи моментально приведет к отмене операции. В лучшем случае, к смещению сроков и строжайшей перепроверке всех звеньев от самого низа до самого верха.

– С этого момента твой позывной – «Берег».

Тимур оценил молчание гостя и легонько прихлопнул рукой по столешнице.

– Что с твоими?

Гапур чуть склонил голову, собираясь с мыслями и подбирая слова для первой фразы.

– Все готово. Люди, транспорт, инструменты, «кабаны». Задачи доведены, порядок действия определен. Проведена игра.

«Кабанами» называли помощников – вольных и невольных – из числа местных. Не важно, кто этот «кабан» – жадный чинуша из администрации, хитрый бизнесмен, тупой полицай или просто пьянчуга с соседней улицы. Таких «кабанов» хватало, каждому отведена определенная роль, каждого проконтролируют во время работы и с каждым расплатятся. По заслугам. Только немного не так, как они ожидают.

Ну а игра – что-то сродни командно-штабным учениям у военных. Только тут все проще, но и качественнее. Ибо не за погоны и должности играли, а за общее дело. Иные ставки, иные стимулы.

– Расстановка? – продолжал уточнять Тимур.

– Все направления. Строительство, в том числе дорожное, ЖКХ, транспорт, торговля, даже по культурной части. Есть выходы на тыловые службы полиции и армейскую часть.

– Медицина?

– Тоже, но на низовом уровне.

– Хорошо. Проблемы?

– Никаких.

Тимур выдержал паузу, посмотрел на Гапура.

– А этот ваш Казанова?

Гапур вдруг вспотел, уловив в голове Тимура напряжение.
– С ним все. Еще в субботу. С концами и чисто.

Тимур продолжал пристально смотреть на гостя, легонько постукивая пальцем по столешнице.

Дурачка узбека, трахнувшего русскую девчонку, красиво сдали полиции. Через своего человека навели на убежище, где отсиживался этот тупой придурок, причем навели не оперов из уголовного розыска, а наряд патрульно-постовой службы.

К тому моменту узбек, «прибивший» хороший косячок афганского чарса, капитально поплыл, но ходить еще мог. Услышав визг тормозов на улице, он выскочил с обрезом винтовки в руках (сунули еще загодя типа для обороны) перед машиной. Успел дважды пальнуть в полицейских, причем одного капитально ранил. И только после этого схлопотал три пули из «ПМ», а потом еще несколько из АКСУ.

Откачивать его не стали, полицейские были дико злы из-за раненого и узбек еще до приезда «скорой» тихо склеил ласты.

Наряд получил благодарность от начальства, розыск прекратили, дело закрыли. И бодро отрапортовали через СМИ об успехе.

Свой человек в полиции тоже получил благодарность за хорошую работу с агентурой. Словом все были довольны, кроме узбека.

Тимур рассказ Гапура слушал внимательно, но на финал истории не отреагировал. Видимо, и так хорошо знал подробности.

– Работу с людьми провели, всех взяли под контроль. Никто из работяг в город не выходит, – закончил Гапур.

– Ладно. Как дела с «ветеранами»?

«Ветераны» – это выходцы из бывших Советских республик, приехавшие в город за последние двадцать пять лет. В Сурсаке было несколько диаспор. Азербайджанская, армянская (совсем небольшая), таджикская, узбекская. Была еще грузинская, но после 2008 года все грузины уехали. Кроме них были еще чеченцы, дагестанцы, ингуши, но очень мало.

Кто-то жил здесь давно и успел вписаться в местные реалии, кто-то приехал в последнее десятилетие или буквально два-три года назад. Эти еще привыкали к чужому городу.

– Есть нормальные люди, – рассказывал Гапур, – Сочувствуют нам. Кто-то готов помочь. Но есть и те, кто слишком сжился с русскими. Эти в лучшем случае будут стоять в стороне. Не помешают, но и не помогут.

– Много таких?

– Хватает. Но тут дело не в их позиции. Когда дойдет до точки, просто стоять в стороне будет нельзя. Или – или. Вот и увидим, кто на что способен. Тех, кто станет колебаться – в расход. Другие стоворчивее будут.

Тимур покивал, сложил руки на животе.

– Связь проверили?

– Да. Все продублировано. Резервный центр развернут. На телефонной станции есть наши люди. Даже если будут глушить, все не закроют.

Тимур огладил бороду, но сделал это как-то осторожно и Гапур понял, что его догадка верна – это маскировка. Со своей бы хозяин дома обращался посвободнее.

Молчание затягивалось. Тимур что-то прикидывал, решал, глядя перед собой. Гапур спокойно ждал. В горле пересохло, но он терпел. Гостю не предложили ни чай, ни воду. Это, конечно, нарушение обычая, но сейчас не до старых традиций. Дело важнее.

– Значит так, – нарушил молчание Тимур. – До часа готовности сидеть тихо. Все по расписанию. Напоминаю, задача твоей группы – обеспечение, завеса и подготовка «загонов». Твоя активная команда в резерве на случай неожиданностей. Ясно?

– Да.

– Видимо, тебе поручим и «ветеранов», тем более ты собирал сведения. Свой канал выхода подготовлен?

Гапур склонил голову.

– Хорошо. Тогда с этим все. Остальное уточним перед началом, – Тимур вдруг хлопнул в ладони. В комнату вошел рослый человек в маске. – Чай и сладости.

Человек приложил правую ладонь к сердцу и скрылся. Тимур чуть развел руками.

– Извини, времени мало. Пир закатым после дела.

Гапур благодарно кивнул.

– Надеюсь, Аллах дарует нам успех!

– Дарует. Если заработаем его благосклонность.

Оказывается, человек способен сделать много разных дел, если у него есть стимул. Раньше Игорь Смардин этого не знал, но в последний месяц сполна испытал на себе.

Все началось в мае, когда произошла трагедия с сестренкой. Хотя нет, все пошло вскачь после покупки ружья. Потратив накопления и заняв еще у родителей, Игорь встал перед необходимостью вернуть долг, заработать себе на расходы, и наконец, научиться стрелять. Ибо сам факт владения оружием не делает человека стрелком.

Хорошо хоть сессия позади, есть время на все дела. И Игорь без раскачки приступил к выполнению планов.

Работу нашел в магазине «Смартфон плюс». Продавец-консультант, график два через два, зарплата двадцать пять штук и все это недалеко от дома.

Свободное время Игорь расписал по часам. И большую часть оставил под тренировки. Занятия по паркуру сократил. Теперь его больше интересовали рукопашный бой и стрельба.

Тут помог Олег Костров. Зная, как сильно пережитое отразилось на Игоре, он отвел его к руководителю центра подготовки охранников Юрию Храмову. В прошлом офицер

внутренних войск, Храмов продолжил знакомое дело и на гражданке. Кроме центра у него еще был тир, охотничий магазин и загородный дом отдыха на берегу озера.

Костров ввел Храмова в курс дела и попросил помочь парню. Тот смерил мрачного Смардина пристальным взглядом и кивнул.

– В секцию запишу. Занятия три раза в неделю. Цена умеренная. Ну а за тир отработаете, подежурите в доме отдыха. Идет?

– Идет, – согласился Игорь.

– Ну, посмотрим.

Опыт подсказывал Храмову, что далеко не всем, кто стал кивался с суровой прозой жизни, надолго хватало запала ярости. Месяц, другой и все, скис, размяк, быт, дела, заботы – и нет мстителя. Как поведет себя этот парень не ясно. Что оружие купил – это порыв. Не прошел бы он к началу следующего учебного года.

Но раз слово приятелю дал, надо держать. А Костров сильно попросил за юнца.

Так двумя делами стало у Игоря больше. Раз в неделю он дежурил в доме отдыха в качестве вахтера, три раза в неделю ходил в спортзал, постигал непростое умение вести рукопашный бой и раз в неделю посещал тир. Тут тоже было не просто. Тупо палить по бумаге может каждый. А вот научиться стрелять – это дело иное.

– Охота тебя не интересует, пострелушки тоже, – еще на

первом занятии сказал ему Храмов. – Значит самооборона. Гладкоствол тут самое оно. За десять занятий инструктор тебя обучит. Мастером, конечно, не станешь, но при случае мимо не пальнешь и сам под пулю голову не сунешь.

Еще одно дело добавилось – холощение. Работа с оружием без стрельбы. Изготовка, прицеливание, спуск. Половина успеха в этом, так говорил инструктор. Холощением Игорь занимался дома, благо там стало тихо и спокойно.

Мать с Ольгой уехали к родственникам на море. Родители надеялись, что смена обстановки и курорт помогут девочке забыть произошедшее. Отец – дальнобойщик – пропадал в рейсах, так что дома ночевал редко.

Трехкомнатная квартира была в полном распоряжении Игоря. Раньше бы он точно закатил вечеринку – друзья, подруги, выпивка. А теперь не до веселья. Да и денег жалко.

О гибели насильника Игорь узнал из интернета. В статье расписывалась большая работа полиции по поиску преступника, зато о самой смерти всего одно предложение. Мол, убит в перестрелке. И дальше о бравых патрульных, о раненом, о наградах.

Двойное чувство от новости. Хорошо, что нашли, хорошо, что сдох. Но Ольке от этого не легче. До сих пор по ночам плачет. И потом, одного чурбана грохнули, а сколько еще таких по городу ползает? Откуда только взялись? Специально что ли завозят, будто других мест нет?

Так уж вышло, что одновременно с Игорем об этом же думал другой человек. Жил он неподалеку от Смардина в старом, как теперь говорят, «сталинском» доме, в большой трехкомнатной квартире. Только в отличие от Игоря, этот человек знал о незваных, но многочисленных гостях России гораздо больше. Однако тоже не мог понять, с чего вдруг в Сурсак привалило такое количество «черных».

Сазонову Андрею Борисовичу недавно исполнилось пятьдесят пять. Тот возраст, когда тело еще сохраняло силу и резвость, но уже давало понять, что увядание не за горами. Еще лет пятнадцать-двадцать и подступит старость, о которой совсем не хочется думать.

Взрослая жизнь Сазонова началась бурно. После окончания школы попал в пограничные войска в десантно-штурмовую маневренную группу. Да, в Афганистане воевала не только Советская Армия, но и погранвойска КГБ. А ДШМГ и мотоманевренные группы работали особенно активно.

На дембель Сазонов ушел старшим сержантом с орденом «Красной Звезды», двумя медалями «За отвагу» и кучей значков. Отгуляв положенное, подал документы на юридический заочно и пошел в милицию. Развал СССР встретил старшим лейтенантом шестого отдела¹⁰, новое тысячелетие

¹⁰ 6-е Управление по борьбе с организованной преступностью МВД СССР, позже ГУОП и ГУБОП МВД РФ, в регионах РУБОП – контора, которая боролась

майором РУБОП. А еще через одиннадцать лет полковник милиции написал заявление об уходе. Ровно через два дня после выхода указа о переименовании милиции в полицию¹¹. Прошедший три войны офицер не смог пересилить себя и стать «полицейским».

Его отговаривал начальник областного управления, намекал на хорошую перспективу и генеральские погоны. Говорил, что в Москве высоко ценят высококлассного сотрудника с огромным опытом работы. Но Сазонов отыгрывать назад не стал. И через месяц вышел в отставку.

Работу нашел сразу, его буквально на следующий день оформили в штат службы безопасности банка. Объем работы не сравним с прежним, а зарплата в несколько раз больше.

В банке Сазонов проработал почти восемь лет, а в прошлом месяце директор сказал, что продает банк и весь бизнес и уезжает за границу. Достали его местные проблемы и постоянные попытки захвата. Сколько мог, защищал дело, но больше сил нет.

Сазонов опять вышел на вольные хлеба и пока не спешил с поиском нового места работы. Благо запас денег позволял взять перерыв.

Жена отставного полковника трудилась на ниве финансов в крупной компании, так что с семейным кошельком проблем не возникало.

с бандитизмом, пока ей позволяли.

¹¹ Сие знаменательное событие случилось 1 марта 2011 года.

Старший ребенок – дочь уже несколько лет жила с мужем в Питере, подарила внука, а теперь и внучку. Сын после школы ушел служить, тянул лямку в оперативной бригаде внутренних войск, через пару месяцев должен вернуться.

Размеренный ритм жизни Сазонова был нарушен полтора месяца назад, когда он случайно заметил в толпе на рынке смутно знакомое лицо. Полковник как раз выбирал мясо для шашлыка, на миг отвлекся на проходивших поблизости мужчин и вдруг увидел того типа.

Это был Башир Закаев. Аварец по отцу, лезгин по матери. Боевик, бандит и резидент иностранной разведки. Причем, не одной.

Вообще-то это не мог быть он, потому что давным-давно прошла информация о его гибели в перестрелке где-то в Таджикистане. Подтвержденная серьезным источником.

Выходит, что источник тогда обманул? Или полковника подводят глаза? Да нет же, не ослеп ведь отставник!

А Закаев здорово изменился. Отрастил волосы, сбрил бороду с усами, поменял походку, она стала более плавной, твердой. Но все же это он, старый знакомец и враг!

Последний раз Сазонов видел его в девяноста восьмом. Тогда сводная оперативная команда вышла на сеть боевиков в Дагестане и Ингушетии. Группу Закаева обнаружили в пригороде Буйнакскa, когда та уходила к Чечне.

В тот раз Закаев совершил ошибку. Хотя и простительную

в тех условиях. Погоня на плечах, раненый товарищ и никакого времени на оценку обстановки. Словом, он выбрал подходящий дом и засел в нем со своими людьми. Но дом оказался пустующим, хозяева только-только выехали. Так что ни заложников, ни переговоров с милицией, ни шанса на мирный исход.

Боевики отстреливались до последнего, сумели ранить нескольких омовцев и убить одного. Потом озверевшие от потерь милиционеры применили гранатометы.

К тому моменту Закаев отыскал тайный ход из дома к оврагу и нырнул в узкий лаз. Двое уцелевших боевиков прикрывали его отход и попали под выстрел гранатомета. Дом загорелся, похоронив всех, кто там был.

Закаев ушел. Со сломанной рукой и пулей в бедре. Выскользнул в последний момент и где-то отлеживался еще двое суток. А потом пропал. Чуть позже пришло сообщение о его гибели в каком-то конфликте на границе с Афганистаном. Сазонов тогда получил втык от начальства за побег Закаева и благодарность за обезвреживание нескольких групп боевиков.

И вот двадцать лет спустя, прямо как у Дюма, он увидел ожившего мертвеца. Это было настолько неожиданно, что Сазонов забыл о шашлыке и пошел домой.

Сперва он хотел сообщить о встрече в полицию, но потом передумал. Что он скажет, что увидел мертвеца? А доказа-

тельства? Одних слов мало. Да и как воспримут в полиции такое заявление? И потом, доверие к «обновленному» МВД отставной полковник не испытывал. Были на то причины. Да и личный опыт общения с «правоохранителями» имелся.

Пару лет назад Сазонов вступился на улице за молодого парня, к девушке которого пристали два мажора на иномарке. Наряд полиции хотел задержать парня, успевшего съездить по мордам наглецов, но Сазонов остановил полицейских. Те не придумали ничего лучше, как задержать самого Сазонова.

Полковник до того был удивлен, что не стал доставать из кармана удостоверение. Послушно сел в машину и был доставлен в отделение. Выслушав по дороге обещание массы проблем и обязательного урока правильного общения с сотрудниками правопорядка. Фраза Сазонова о законности действий самих сотрудников вызвала у наряда взрыв веселья.

Это веселье оборвалось в отделении. Начальник РОВД – старый знакомый Сазонова, бывший когда-то капитаном и начальником отдела уголовного розыска. Теперь уже подполковник изумленно выслушал старшего наряда, посмотрел на Сазонова и тут же принес искренние извинения. А потом заставил извиниться офигевших от такого поворота лицаев. Тем явно стало не по себе, особенно когда они узнали, кого именно задержали.

Закончилось все посиделками в кабинете подполковника

и его сетованиями на плохие кадры и тупоголовых исполнителей. Фразу Сазонова о проблеме в министерстве и в самых верхах начальник отделения встретил молчанием. Да и что тут скажешь?!

Тогда еще повезло, нашелся знакомый, а так мог и влипнуть правдоискатель. Не посмотрели бы на корочки, впаяли бы неповиновение сотрудникам при исполнении.

Нет, ничего толкового из звонка в полицию не выйдет. Не поверят, не примут всерьез, а то и на смех поднимут. Или замучают вопросами, объяснительными, проволокут и спишут в отказ. На хрена нынешним ментам эти заморочки? Их даже гром среди ясного неба не заставит перекреститься.

Была еще мысль позвонить сослуживцу, обитавшему теперь в центральном аппарате МВД. Тот старого приятеля мог и послушать. Но сможет ли он раскачать дело? Тоже не факт.

Отнестись серьезно к заявлению свидетеля могли в ФСБ. Но Сазонов как-то не слишком доверял этой конторе, особенно после истории с «рязанским сахаром»¹². Чем черт не шутит, может Закаев объявился не сам по себе? Пути тайных троп неисповедимы.

После этого случая и обратил полковник внимание на

¹² Эпизод с неудавшимся взрывом жилого дома в Рязани 22 сентября 1999; в подготовке теракта подозревали ФСБ.

проблему мигрантов и гастарбайтеров в городе. Уж слишком много их стало за последние год-два. Конечно, дешевая рабочая сила из ближнего зарубежья выгодна бизнесу, и жить в России все-таки получше, чем в тех же Таджикистане, Узбекистане и прочих «станах». Но не слишком ли много приехало гостей с юга?

Заселяют дома, причем даже заброшенные, обживают бараки и развалюхи. А кое-кто строит особняки, чуть ли не дворцы. И в бизнес лезут, рынки подминают. Кто-то во власть рвется. Недавний случай с попыткой протолкнуть на место главы райуправы одного такого дельца с гор обернулся скандалом. Этот «кандидат» был в розыске и дома и в России. И ведь полиция даже не проверяла!

Ну и преступность пошла в рост, квартирные кражи, уличные нападения – тоже дело рук «дешевой рабсилы». На волне этих событий Сазонов решил купить оружие. Вполне логичный шаг. Проблем с получением разрешения у отставного полковника не возникло и вскоре он стал обладателем неплохого образца отечественного гражданского оружия «Бекас-Авто 201М». Гладкоствольный полуавтоматический карабин двенадцатого калибра.

На охоту Сазонов не собирался, так что длинный ствол его не интересовал, он сразу поставил короткий, установил удлинитель магазина, немного поработал напильником, убирая острые углы и заусенцы. А потом опробовал покупку в тире.

Карабин его порадовал, работал без задержек. И вместимость хорошая, восемь патронов 12×70 в магазине плюс один в стволе. Самое то для защиты дома. Пуля или картечь гарантированно сметут любого супостата.

Сазонов потренировался сам и обучил обращаться с оружием жену. Та послушно запомнила наставление мужа и сделала два десятка выстрелов, стоически перенеся грохот и нехилую отдачу.

Она была опытной женой и знала за кого выходила тридцать лет назад. Спокойные дни без тревог, волнений и нервовтрепок можно сосчитать по пальцам. И теперь, хоть и в отставке муж, но старые привычки просто так не забыть ни ему, ни ей.

Вообще-то с оружием у Сазонова проблем не было. В 2005 ему присвоили звание полковника и наградили именным пистолетом. Предлагали разные образцы, даже импортные, но Сазонов выбрал старый добрый ПМ. В отличие от многих «спецов» он хорошо разбирался в оружии и знал, насколько надежен этот пистолет. Ну а в тире полковник стабильно выбивал три десятка на зачетах, редко когда посылая пули в «девятки».

Для себя тогда Сазонов отобрал из всего арсенала пистолет семидесятого года выпуска и лично пристрелял. Год назад поставил новую удобную рукоятку и был доволен.

Незадолго до отставки Сазонов прикопал в укромном ме-

сте железный ящик, оббитый деревом, в котором хранились автомат АКМС, запас патронов и несколько гранат. Так, на черный день. Очень надеялся Сазонов, что доставать ящик повода не будет. Но кто даст такую гарантию в нынешней России?

Вторая встреча полковника и Бакаева произошла пару дней назад. Сазонов только что проводил жену в аэропорт, откуда она улетала в Питер к дочери.

Вообще-то полковник считал, что этот визит будет лишним. Дочь и ее муж сами вполне справятся со вторым ребенком, опыт уже есть. Да и как зять посмотрит на приезд? Но утром тот сам позвонил и попросил приехать, мол, Ирине пока сложно одной, а он на работе, пополняет семейный бюджет. Родители зятя застряли на Дальнем Востоке по своим делам. Так что помощь тещи как раз к месту. Полковник пожал плечами, ну раз просят!

Из аэропорта Сазонов заехал в супермаркет, где затарился продуктами на всю следующую неделю. И на парковке увидел Закаева. Тот стоял возле микроавтобуса рядом с водителем. Сазонов бросил пакеты с продуктами в багажник, опустил дверцу и машинально тронул правой рукой скрытый под полой рубашки пистолет. С той первой встречи оружие он носил с собой постоянно.

Значит, он все еще здесь. Живет или приехал? Если приехал, то зачем? Вряд ли такой волк сменит род занятий и зай-

мется чем-то вроде выпечки хлеба или ремонта часов. Если и бизнес, то крупный. А скорее всего, крышует барыг, только теперь легально. Нет, все же хорошо, что жена уехала, вдруг подумал Сазонов. Так спокойнее.

Выехав с парковки, полковник внимательно осмотрелся, но микроавтобус не увидел. И решил для себя, что если еще раз увидит Закаева, то все-таки сообщит. Либо в полицию, либо в ФСБ, либо куда-то еще.

Не знал Сазонов, что Закаев в этот раз тоже срисовал старого знакомого. Его внешность он хорошо запомнил с прежних времен и даже несколько секунд держал мента на прицеле. Тогда помешала автоматная очередь омовца. Спустя двадцать лет свой шанс Закаев не упустит.

Мента следовало убрать еще и потому, что тот мог дать наводку полиции или ФСБ. А сейчас, накануне операции любые проблемы с силовиками были совсем некстати.

И Закаев, которого уже семнадцать лет звали Гапур Мирзоев, твердо решил покончить с врагом из прошлого.

Гапур поспешил. Не желая привлекать к делу никого из своих, дабы даже случайно не навести на свое прошлое, он нашел двух отморозков из местных. Типичная шантрапа, которая лет двадцать назад гордо именовала себя «бандиты». Сейчас, когда реальные авторитеты давно ушли в бизнес и власть, на улицах остались типичные гопники, способные в

темном переулке дать прохожему по шее и отнять мобильник. Еще они могут надувать щеки и бросать сквозь зубы словечки из «блатного жаргона».

Правда, эта отмороженная на всю голову рвань способна на любой беспредел. Что вполне устраивало тех, кто изредка к ним обращался с разными мелкими делами.

Проконтролировать дело Гапур попросил старого знакомого, в прошлом бандита невысокого ранга, а ныне совладельца автомастерской, которая кроме легальных дел иногда промышляла кое-чем не совсем легальным.

Адрес Сазонова Гапур пробил через свой контакт в ГАИ по номеру машины. Остальное выяснять не стал, не желая светить интерес к бывшему менту. Что бывший и так понятно, возраст все-таки, а больших звезд на погонах у Сазонова нет, иначе бы о нем все знали. Это хорошо, можно сделать все тихо и списать труп на уличное ограбление. Потому и использовать Гапур велел ножи, а не пистолеты.

Бывшего бандита Гапур проинструктировал подробно.

– Ходить за ним не надо, слежку может выпасти. Сядьте у дома и ждите. Сделаете тихо, лучше вечером. И быстро, чтобы он не понял ничего.

– А если отмахнется? – засомневался бандит. – Сам же говоришь, что мент, а у них нюх на подянки острый.

– Нюх у них только на бабки, – отрезал Гапур. – Остальное в упор не видят.

– Это нынешние, – не сдавался бандит. – Сам же сказал, что он на пенсии. Значит, работал еще тогда. А в девяностые у ментов соображалка не скрипела и кулаки были железные. Он из каких: опер, сыскарь, следак?

Гапур задумался. Если двадцать лет назад Сазонов был в составе оперативной группы по розыску боевиков, то уж точно не кабинетный червяк. РУБОП или уголовка.

– Не знаю, – не стал напрягать бандита Гапур. – Не ОМОН точно. И не СОРБ.

Бандит машинально потер шею. Видать когда-то ему неплохо прилетело от кого-то из бравых парней ОМОНа.

– Возьми на всякий случай ствол, – после некоторого размышления добавил Гапур. – Если дело пойдет не так, шмальнешь. Дам тэху с глушаком¹³, скинешь ее потом.

Бандит кивнул, но ничего не сказал.

– Убедись, что он готов, – продолжил Гапур. – Потом уходите.

– Что с этими? – спросил бандит.

– Ничего. Один труп – случайность, а еще два исполнителя – уже след. Я их заберу к себе, пересидят недельку.

Что обоих исполнителей ждет котлован за городом, Гапур, конечно, не сказал. Вообще-то следовало и приятеля заодно убрать, но это слишком уж много. Ничего, начнется дело – может и он попадет кому-то на прицел.

¹³ Пистолет ТТ с глушителем, любимое оружие киллеров и просто братвы (на коротких дистанциях, конечно).

– Твоя доля два лимона, – перешел на приятную тему Гапур. – В тот же день налом. Или тебе на карточку?

Бандит шутку оценил, скривил губы.

– Позвони мне со стационарного потом, договоримся о встрече.

– Идет.

Ах, как хотелось Гапуру самому исполнить мента! Но сейчас он не мог рисковать. Все-таки дело важнее старых разборок, даже риск обращения Сазонова в органы не так пугает, как ошибка в самом начале операции.

Ладно, теперь не переиграешь. Да и старый бандит не пальцем деланный шкет. Если два ушлепка облажаются, он все исправит.

Гапур отпустил бандита и поехал по своим делам, давя тревогу по поводу исхода дела и настраиваясь на ожидание.

Ожидание расслабляет любого человека, даже опытного сыскаря или умелого воина. Тем более, если возможная опасность не настолько уж возможна. Сазонов не искал новой встречи с Закаевым, но понимал, что она может произойти. И они не пойдут выпить пивка и вспомнить былое. Скорее всего, оба попробуют убить друг друга.

Так что пистолет Сазонов держал при себе всегда, не ленился переснаряжать магазины, чтобы не ослабли пружины подавателей, периодически заходил в тир, давал рукам и гла-

зам вспомнить былой навек.

Свою форму полковник оценивал трезво. Не двадцать лет, мышцы и связки подсели. Хотя он их и держал в тонусе, не забывая ходить в зал, работал на мешке и даже выстаивал несколько раундов против молодых парней. Но все это только тренинг. Как поведет себя тело в схватке после десятилетнего перерыва, сказать сложно.

Да, Сазонов был готов встретить врага. Но забивать себе голову каждый день этим не мог и не хотел. Иначе можно сжечь нервы за неделю, были случаи. И полковник просто переключил мысли на повседневные заботы.

...Возвращение теплым летним вечером из бассейна домой сулило приятный отдых и пару часов азартного наблюдения за футбольной баталией. Вопреки обычаю сотрудников милиции болеть за «Динамо», Сазонов с детства болел за «Спартак». Ну вот так вышло. И сейчас его ждала игра своей команды, которая в последнее время опять потеряла стабильность и валидолила¹⁴ всюю.

Можно бы к футболу пивка с рыбкой, но Сазонов сидел на жесткой диете с момента увольнения и за все эти годы выпил не больше литра спиртного. Оно того стоило, здоровье отставного милиционера пока не подводило. Так что рыбку можно, а вместо пивка квас. Хотя лучше воду, сладкое с соленым как-то не катит.

¹⁴ Кто не знает этого выражения, значит, точно не в теме футбола.

На трущихся во дворе молодых оболтусов с мячом он не обратил внимания. Какая-то шантрапа, что уже вышла из подросткового возраста, но со сквозняком в голове. А вот тип, что сидел на скамейке возле гаражей сразу привлек взгляд.

Обычный мужик лет сорока пяти, среднего сложения с короткими поседевшими волосами, в зубах незажженная сигарета, в руке журнал. Сидит спокойно, по сторонам не смотрит, не суетится. Но звоночек в голове тренькнул.

На улице даже вечером градусов двадцать шесть точно есть. А днем так и вовсе за тридцать было. Ну кто по такой жаре натянет на себя что-то кроме рубашки или футболки? Только деловые мальчишки, привыкшие сидеть в офисах с кондиционерами. А тут на скамейке под солнцем и в ветровке. Ветровка, конечно, тонкая, почти как футболка. Но чего тогда он в нее закутался, как младенец в пеленку? Знобит? Сгорел на пляже или умудрился подхватить простуду?

В недавнем еще прошлом одежда не по сезону на таких вот парнях говорила об одном – под полами ветровок, курток, плащей скрыты стволы. От банального револьвера до импортного или отечественного пистолет-пулемета. И если этот тип вдруг из тех парнишей, то он уж точно умеет пользоваться «игрушкой» и работать будет метров с двух-трех. Максимум с десяти, но это уж совсем крутой спец-мочкарь, сиречь киллер.

На оценку обстановки ушло секунды две-три. Сазонов

продолжал идти к дому, прикидывая пройти ли дальше или нырнуть в свой подъезд и там уже действовать по обстановке. Оболтусов с мячом из поля зрения он выпустил. А те уже были шагах в трех от полковника. Потом один из них уронил мяч, тот скакнул по асфальту и ударил Сазонова в ногу.

– Прости, дядь, – скороговоркой выпалил один, быстро делая шаг вперед и наклоняясь, вроде как подхватить мяч.

Второй шагнул в сторону, словно обходя полковника. В руках было пусто, но смотрел он прямо на Сазонова и взгляд у него был прицельный.

Догадка обожгла мозг Сазонова. Подстава! Засада на ходу, мяч и подход к объекту вплотную. Сейчас этот щенок разогнется, бросит мяч в лицо полковнику, а потом ударит ножом в печень. Одно слитное движение, меньше секунды. Нужен навык такого финта, иначе можно промазать или ударить слабо. Зато какая маскировка – мяч ударит в лицо и закроет выпад. А тип в ветровке – страховка на случай нештатной ситуевины.

Озарение и план заняли долю секунды, как и всегда при стрессе. Подсознание вспомнило былой навык и заставило тело двигаться без промедления.

Резким ударом левой рукой Сазонов выбил мяч из ладони парня и шагнул влево, нанося правой рукой апперкот в солнечное сплетение. Парня согнуло, со звоном упала на асфальт выкидуха¹⁵. А Сазонов продолжил движение, прихва-

¹⁵ Ножик такой.

тил парня за волосы и дернул его на себя. Пусть и частично, но теперь он прикрыт от стрелка согнутым оболтусом.

А дальше переход ко второму, пока тот не пришел в себя, удар правой в шею, а не в подбородок, как в боксе. И обмякшее тело на себя, тоже прикрыться.

Тип в ветровке вскочил со скамейки и замер. Журнал упал на землю, сигарета сплюнута, правая рука под полый ветровки, взгляд прилип к Сазонову. Что у него – ПМ, ТТ, «узи»? Во дворе хватает народу, кое-где висят камеры, но раз они решились напасть здесь, значит им шум по барабану.

Сазонов вытащил пистолет, легким движением большого пальца сбросил предохранитель. Патрон он всегда носил в патроннике, наплевав на запрет и признавая только одно правило: «лучше пусть трое судят, чем шестеро несут».

Ударил рукояткой пистолета по виску второго «футболиста», чтобы не очухался не вовремя. К черту милосердие, не до сантиментов.

Тип все же решился. Видимо не хотел стрелять в своих, но видать вспомнил, что они не совсем свои. Или совсем не свои. Словом он вытащил ствол. ТТ с глушаком, старая надежная игрушка, фактически чемпион девяностых по использованию. Это лучше чем «узи» или «скорпион» или даже кустарный «борз»¹⁶. Но все равно плохо, ибо пуля ТТ легко прошьет оба тела. А значит, тянуть нет смысла.

Сазонов резко сел на колени, навалив на себя живой щит,

¹⁶ Типы пистолет-пулеметов разных стран и изготовителей.

отметив, что тот еще дергается, но явно в прострации. А второй шарит по асфальту в поисках ножа. Совсем дурак, тикать надо, а он еще хочет продолжения банкета.

Тип успел выстрелить первым. Бабахнуло, конечно, не особо, но все-таки звук приличный, а не как в кино – похож на пердеж комара. Пуля прошла впритирку со «щитом». Глушитель чуть пошел в сторону, теперь наверняка выстрелит прямо в своего.

И Сазонов не стал ждать. Рука взлетела на уровень плеча, глаз толком не успел поймать мушку в целике, а палец уже мягко выжал спуск. На такой дистанции академическое прицеливание совсем не требуется. Хватит и грубой наводки по стволу. А то и вовсе «на глазок» или как говорят – интуитивно.

Раз, два, горе не беда!

Он попал оба раза. Первая пуля ударила в кулак, что сжимал ТТ. Такое часто бывает, если есть привычка стрелять в грудь противника. Конечно, когда тот тоже стреляет.

Неслабый удар пули отшвырнул руку типа в сторону и повернул корпус. Вторая пуля пошла в сердце. Ну, или рядом с ним. Стрелок шатнулся, нырнул корпусом, словно ища равновесие, и как-то боком сел.

Закричала неподалеку женщина, кто-то громко завопил «полиция»! И дернулись в стороны жильцы двух соседних домов. Это самые сообразительные, остальные водили носами по сторонам, ища источник шума. Думали, что детишки

петарды рвут?

Третий раз Сазонов стрелять не стал. Вскочил на ноги, хорошенько приложил «футболисту» ногой по голове, а потом повторил трюк и со вторым. Оставляя за спиной активных врагов нельзя. К стрелку он не подошел. Видел, что тот вряд ли встанет, а ТТ отлетел метров на пять. И правая ладонь стрелка превращена в месиво. Он не опасен, если нет второго ствола. Но киллеры на дело редко берут лишнее оружие.

Сазонов быстро прошел мимо дома, не обращая внимания на соседей, и скрылся в арке. Дело еще не окончено.

Он отлично знал, что и как сейчас происходит во дворе его дома. Вызванный кем-то наряд уже приехал, увидел тела нападавших, нашел ТТ (если кто-то из местных пацанов не свистнул), и нехотя вызвал бригаду. Значит, уже началась суета с оперативниками уголовного розыска, экспертами, следователем и кем-то из начальства. Если оно соизволило оторваться от важных дел коммерческого или иного плана.

Участковый потопал опрашивать свидетелей, что было делом малоперспективным и хлопотным. Остальные стоят над трупом или трупами, и соображают, что это было и на хрен оно вообще надо. Но если кто-то из «футболистов» жив, на него насядут еще до приезда «скорой». А хоть один выжить должен был, Сазонов не уверен, что оба холодные. Один может быть, тот, что получил в висок, но второй вряд ли остыл.

Сколько потребуется времени полиции, чтобы выйти на

след? Если Сазонова кто-то опознал, то уже сегодня. Если нет – то чуть позже. Когда проверят извлеченные из трупа пули и сравнят их по гильзотеке. Значит, надо действовать на опережение.

Сазонов так и сделал. Позвонил старому знакомому, теперь тоже полковнику на неплохой должности, и намекнул на срочность встречи. Приятель дал добро и через полтора часа Сазонов выложил все, как было, не забыв обстоятельно поведать, как можно быстро проверить его слова.

Вопреки вполне обоснованным опасениям, приятель повел себя по-мужски. Позвонил, кому надо, дал указания, потом уточнил, когда прибывает начальник областного УВД и попросил доложить о встрече.

– Выйдешь сухим, – сказал он потом. – Но слегка помурьжат. Знаешь, как прокуроры любят нашего брата. Поноют о превышении, о забытом предупредительном выстреле.

Сазонов знал. Ибо сам воевал с прокурорскими ничуть не меньше, чем с бандитам и боевиками.

– Домой сегодня не ходи. Есть где переночевать?

– Найду.

– А завтра ко мне и уже вместе пройдем по кабинетам.

Сазонов крепко пожал руку бывшему сослуживцу и намекнул о своей неслабой благодарности.

– Ладно тебе. Лучше скажи, кому дорогу перешел?

Сазонов помедлил. Вываливать на приятеля историю далекого прошлого не хотелось. С другой стороны никаких

иных вариантов он не видел. Это Закаев, сто против нуля. Значит, срисовал старого врага и решил ударить первым.

– Хрен его знает, – ответил Сазонов. – Надо подумать. Но никаких особых дел у меня сейчас нет.

– А твой банк? – проявил осведомленность приятель.

– Уволился. Чисто и без предьяв. Нет, это не с той стороны.

– Тогда смотри, чтобы с другой стороны не надуло, – предупредил приятель.

Сазонов хлопнул по поясу, где была кобура ПМ.

– А если бы его не было?

– Тогда мой труп уже опознали бы, – честно ответил Сазонов. – Стрелок дело знал, бил наверняка. Одну ошибку совершил, промедлил пару секунд. Не хотел сразу сквозь своих стрелять. А потом было поздно. Кстати, ты это учти.

– Не понял?

– Ствол носи все время, – пояснил Сазонов. – Не ровен час, пригодится.

Перебрав в уме возможные варианты, Сазонов решил навестить другого старого знакомого. Не такого старого, как полковник, но вполне надежного парня.

Капитана Храмова Сазонов помнил по двум совместным операциям. Храмов командовал ротой отряда спецназа ВВ. Участвовал во Второй чеченской, окончил училище, прошел несколько операций. Хороший офицер и специалист, он уво-

лился из рядов на два года позже Сазонова. После одних интересных учений, где их отряд отрабатывал действия против неорганизованной массы людей. Проще говоря, зачищал протестующих.

Посмотрев на то, чему и как учили его бойцов, Храмов решил, что такие фокусы не для него и написал рапорт. Командование сперва отговаривало, но Храмов прямо сказал, что привык воевать с боевиками, бандитами и террористами, а не с бабами и детьми.

– За одну «Б» против двух других «Б», – напомнил он приказку командиру части. – Бабу защищаю, боевиков и бандитов уничтожаю.

Командир поморщился, но смолчал. Сам был не рад новым порядкам, но ничего поделать с этим не мог.

В итоге рапорт пошел в дело и капитан Храмов, не дождавшись следующего звания и новой должности, вышел на вольные хлеба. Вместе с ним ушли еще два офицера. Полиция быстро и четко избавлялась от тех, кто еще не потерял честь, совесть и достоинство. Нужны были те, кто готов воевать со своим народом.

Кстати, через Храмова Сазонов и устроил своего сына во Внутренние войска в тот самый отряд спецназа.

С отставным капитаном Сазонов иногда встречался, несколько раз бывал у него в гостях и знал, что тот примет незваного гостя без проблем. Тем более, есть что обговорить. Храмову он доверял больше, чем другим.

О провале дела Гапур узнал в тот же вечер. Бывший бандит не позвонил, а потом прошла информация о перестрелке во дворе жилого дома. На следующий день Гапур уточнил подробности. Доморощенные киллеры прокололись и недооценили Сазонова, а тот их обыграл.

К тому же у него вдруг оказался пистолет и бывший мусор не разучился им владеть. Плохо. Что упустили плохо. Теперь он настороже и больше к себе не подпустит. Надо бы доделать дело, но уже некогда. Плохо, что Сазонов может наступать своим и Гапура начнут искать. Но теперь не успеют.

Одно хорошо – тот, кто знал Гапура в лицо, мертв. Два других пристебая о заказчике не слышали, а значит, ничего не скажут. Тем более, один вроде тоже готов.

И все-таки Сазонова надо убрать. Но теперь этим Гапур займется лично. И уже после начала операции. А пока не до старого волкодава. Пусть еще немного поживет.

Горинск. Продолжение банкета

Погибших в аварии пассажиров маршрутки хотели захоронить на старом кладбище. Но разрешения им не дали. Мол, там уже нет мест и никого не хоронят третий год, только «с подселением» к родственникам. Родня погибших, глотая валидол и нитроглицерин, перенесла похороны на Православное кладбище. И тут власти не давали добро, мол, рядом сквер у Вечного Огня, как бы тут шествие не устроили!

Но теперь взбунтовались не только родственники погибших, но близкие, друзья, знакомые. С трудом было получено разрешение. Власти нагнали две сотни полицейских и перегородили часть дороги, а потом и вовсе запретили движение по нескольким улицам.

Их страхи оправдались, провожать безвинно погибших пришли более тысячи человек. И столько же ждало у самого кладбища. Люди несли гробы на руках, катафалки ехали следом. Огромная толпа шла молча, держа в руках цветы, увеличенные фотографии погибших, а кое-кто и самодельные плакаты с требованием наказать виновного.

На кладбище сам собой возник стихийный митинг. Друзья погибших требовали власть к ответу, клялись, что не оставят этого дела и будут добиваться наказания пьяному подонку.

Присутствовавший на похоронах ОМОН получил приказ прекратить митинг, но как это сделать, никто не знал. Не погонишь же от могил людей палками!

Заместитель командира ОМОНа попробовал что-то сказать людям, но его тут же послали так далеко, что и на ракете не долететь. Огромная толпа сдвинулась к могилам. Наряды омовцев с ненавистью смотрели тысячи глаз и под такими взглядами бравым парням в форме стало не по себе. Еще мгновение и нацгвардейцев просто затопчут.

Испуганные служители церкви быстро прочитали молитвы, помахали кадилами и что-то нестройно пропели. Плач родни заглушил стук земли о закапываемые гробы.

После похорон толпа потянулась к выходу. На улицах стояли сотрудники ППС. Через громкоговорители уговаривали людей разойтись и не мешать движению транспорта.

В толпе хватало молодежи, готовой пойти с кулаками на полицию, но старшие товарищи как могли, отговаривали горячих парней от безрассудства. Те отвели душу, выкрикивая нелицеприятные для властей и полиции лозунги.

Позже, когда толпа начала расходиться, полиция попробовала схватить самых яростных хулителей, в разных местах вспыхивали драки. Правда, ОМОН не особо старался, а бойцы патрульно-постовой службы ничего толком сделать не смогли. Тем более в толпе были те, кто изо всех сил утихомиривал своих.

И опять кто-то сумел пригасить народный гнев, и снова

никто в полиции не подумал, что за этим может быть нечто иное кроме желания загасить конфликт.

Первым, как всегда отреагировал интернет. Прошла прямая трансляция с похорон, несколько блогеров сняли стычки с полицией. Комментарии и гневные статьи выплескивали наболевшее. Тут же был брошен клич – на день независимости или день России, кто как называл, собрать митинг и потребовать виновных к ответу. И того, кто устроил аварию, и тех кто его покрывал и тех, кто не возбуждал уголовное дело.

Идея понравилась. Тем более что сам праздник никто никогда толком не отмечал и вообще за торжественное событие не принимал. Еще один выходной и все. Посмеивались над названием, мол, независимость от кого? От жизни, совести и чести?

Тут же на форумах стали собирать подписи под требованием к администрации разрешить митинг. Выбирали место и время.

Такой поворот дела совсем не радовал власть. В праздник вместо торжественных мероприятий получить огромную толпу под окнами с неприятными лозунгами? Нет уж, увольте. Да и как в столицу сообщать, это же позор!

Сайт протестного направления и несколько форумов попытались закрыть. Организовали хакерскую атаку. Но ничего толком не вышло. Закрытый сайт тут же всплывал под другим именем на другом ресурсе. Перекрыть сервера было

просто нереально.

Выступление по местному радио заместителя главы администрации и начальника УВД с просьбой не устраивать провокации и мирно встретить праздник привели к обратному результату. Желających выйти на митинг стало в два раза больше.

Власть добро на проведение мероприятия не дала, а полиция начала готовиться к столкновениям. Ибо всем было понятно – народ простым запретом не остановить. Не в этот раз.

Кто-то в администрации подал здравую мысль доложить обо всем в Москву и попросить помощи. Но губернатор Александр Заречный голосу разума не внял. И так его следующий срок под большим вопросом. А распишись он в собственном бессилии о втором сроке можно забыть. И первый не дадут досидеть. Нет уж, лучше своими силами. Авось обойдется.

Однако судьба явно не хотела слышать мольбы чиновника. Через день случилось еще одно событие, разом усложнившее и без того напряженную обстановку.

Компания мажоров – безбашенных детишек богатых родителей – решила устроить ночные гонки в стиле незабвенного «Форсажа». Вместо более привычного для стритрейсинга места в микрорайоне Спутник они рванули по Тернавского, распугивая владельцев машин и пешеходов, которых

хватало в этот теплый вечер. С визгами, криками, оглушающими сигналами и врубленной на полную музыкой.

Все это действо снималось на камеры, и комментарии участников были далеки от цензурных.

Дважды гонщики едва не влетали во встречные машины, ибо перескакивали двойные сплошные без малейшего промедления. Дважды едва не сносили пешеходов. А потом парочка лидеров решила сократить путь через сквер, свернула на тротуар и буквально протаранила пластиковые конусы ограждения.

В сквере компания студентов скромно отмечала окончание сессии. Шампанское, музыка из планшета, шутки, смех, веселье.

Во все это с разгона и влетели мажоры. Один в последний момент успел отвернуть в сторону и проскочил в считанных сантиметрах от опешивших студентов. Второй не сумел. Или не хотел отвернуть.

Кто-то из студентов отпрянул, кто-то рванул подругу или приятеля из-под колес. Но двое просто не успели среагировать. Они взлетели над машинами словно кегли. И упали в траву безвольными куклами.

Оба мажора тут же умчались, успев прокомментировать свои трюки восторженными возгласами. И новым девизом «дави быдло!» О том, что аварию успел снять на планшет один из студентов, конечно не знали. И что этот студент был активистом протестного движения, не подозревали.

В итоге один из потерпевших погиб на месте, второго увезли в реанимацию. А видео происшествия попало в сеть через полчаса после трагедии.

Город не успел даже среагировать на произошедшее, как подоспело продолжение. Утром автора ролика перехватили возле входа в университет. Несколько мажоров решили сами наказать посмевшегося слить компромат наглеца. Это следовало сделать на глазах у всех. А полицию можно не бояться, они даже не подойдут к неприкасаемым.

Но избиение закончилось очень быстро. Брат студента – опытный рукопашник – вступил в дело и отправил в нокаут всех троих мажоров. Как это обычно бывает, полиция прибыла с опозданием и повязала не тех.

Брата увезли в отделение, где, не слушая объяснений, даже не заводя протокола допроса, устроили жесткий пресинг. Задержанный потребовал адвоката, получил в ответ удар в спину, потом по голове. Затем в кабинет, где шло «дознание», вошел начальник дежурной части и сказал, что потерпевшие – сынки важных людей. И что надо примерно наказать виновника.

На задержанного посыпались удары с трех сторон. Тот увернулся от одного, второго, потом пошел в отмашку и уложил самого активного «воспитателя». Второй полицейский вытащил резиновую дубинку, обвитую стальным тросом, и ударил задержанного по шее.

На этом воспитание закончилось. Совсем. На полу в кабинете полиции лежал труп. Теперь надо было избавиться от него и сделать вид, что такого человека никогда не привозили в отделение.

Вот только брат убитого и его друзья молчать не стали. И дело всплыло на поверхность. Два убийства за неполные сутки, два страшных происшествия на фоне недавних похорон жертв автотраagedии опять поставили город на уши.

Возмущение людей вызвал еще тот факт, что виновники наезда в сквере буквально на следующий день были отправлены за границу, откуда успели прислать привет друзьям, рассказать о своих впечатлениях и повторить новый лозунг «дави быдло!»

Полиция сделала вид, что ничего не произошло и искать никого не стала. Так же вяло полицейские чиновники отреагировали на заявление родственников убитого в отделении. Мол, этого не было, потому что не было.

Одновременно с этим прошли задержания студентов, которые гуляли в сквере и нескольких блогеров. Обвинения соответствовали причине задержаний – распространение порочащих слухов, незаконное собрание и распитие спиртных напитков в общественном месте. Пресс-секретарь УВД заявил, что у народа нет права критиковать деятельность полиции и что демократию надо понимать, как право молчать.

На фоне такого беспредела как-то незамеченной сперва прошла новость о повышении тарифов ЖКХ. И о том, что

услуги ЖКХ будут отключаться сразу по факту неплатежей. О том, что при этом пострадают соседи неплательщиков, никто и не думал. А может, так сделали специально, мол, пусть остальные повлияют на жадных жильцов.

Другая новость – решение руководителей предприятий и владельцев частных фирм об увольнении тех, кто участвовал или будет участвовать в митингах и забастовках без выплат задолженностей и зарплат.

Свалившиеся на город одна за другой беды были сродни разожженному под котлом огню. Бурное кипение грозило выплеснуть такой реакцией, что все прежние протесты показались бы сущей ерундой. Но власть почему-то об этом не думала. Или полагала, что сможет себя защитить. Раз раньше могла, то и сейчас.

Вот только кое-кто со стороны так не считал.

В общий зал спорткомплекса «Буран» набилось под сотню человек. Все кто знал погибшего от рук полиции Якова Веселина или слышал о нем. Начальник комплекса Макс Яворский долго молчал, глядя на парней и на висевший за их спинами фотоснимок Якова, потом глухо произнес:

– Они потеряли берега. Они открыто убивают нас. Они чувствуют безнаказанность. Позавчера Яша, завтра кто-то из вас, вашей родни, близких. Они запугивают свидетелей, заставляют их менять показания, страшат потерпевших. Они считают себя королями города. Банда захватчиков и их при-

спешники в форме. Я не знаю, что делать сегодня, но если мы не начнем думать об этом, завтра нас просто кинут в резервацию.

– В Кремль написать! – выкрикнул кто-то.

По залу пронесся гул.

– Ну да, – скривил губы Макс. – А то там не знают. Злые бояре обманывают доброго царя. Кто поставил этого губернатора? Кто дал ему волю?

– Валить их надо! – раздался другой голос. – Всех этих гандонов!

Эти слова понравились больше, но Макс не реагировал на них.

– Уже было. Помните приморских партизан? Тех, кто убил несколько сотрудников милиции. Кто не в теме – гляньте в сети. Их было мало и они действовали на свой страх и риск. И проиграли.

Макс обвел зал взглядом, увидел злость и ярость на лицах парней. Все они ходили в морг и видели труп Якова. Желание мстить было велико. Но это сейчас. Что они скажут завтра?

– Парни, мы потеряли одного из нас. Глупо потеряли. Но кроме него город каждый день теряет жителей. Маршрутка, студент, умершая на митинге женщина. Простой мести будет мало. Нас задавят массой, перестреляют.

– А что тогда? Ждать?

– Подумайте, пока есть время, решите для себя.

– Чего решать? – стоявший ближе к Максу рослый накачанный Борис Архаров, ударил кулаком левой руки по ладони правой. – Мы уже решили все. Нас мало, это плохо. Народ надо поднимать. И требовать!

– Выйдем на улицу – перебеют, – вставил кто-то. – Нужно чтобы все разом. Организовать.

– Кто-то думает иначе? – спросил Макс.

Его взгляд прошелся по лицам парней. Толик Рывнов увидел, что Макс смотрит на него, коротко кивнул. Его мнение Макс и так знал. Ведь погибший Яков был хорошим знакомым Толика, именно Рывнов и рассказал всем о трагедии.

– Значит, выбираем момент, – подвел итог Макс. – Помните – если мы и сейчас смолчим, то нас окончательно затравят. Это все, парни. Давайте по местам. Остальное обговорим после похорон.

Толик выходил из зала последним. Настроение было паршивым, от тоскливой безысходности пропадало всякое желание что-то делать. Сейчас у их группы тренировка, но как заставить себя работать во всю силу?

– Угол! Встали! Интервалы держать! Пошли!

Утрамбованный грунт гулко отозвался на слитный шаг сорока человек, выстроенных углом или, как это называли когда-то – «свиньей». Впереди три пары самых мощных бойцов, за ними остальные. Сегодня работали без снаряжения, оттачивали технику перемещения.

– Нарастить таран! Под удар!

За первыми парами вплотную встали еще по пять пар. Руки легли на спины впередистоящих, головы приникли к плечам. Первые прикрыли лица руками, наклонил корпус. По сигналу дружно шагнули вперед левой, подшаг правой и опять левой. И на третьем шаге мощное движение всей группы вперед.

Со стороны казалось, что группа хочет пробить стену. Настолько быстрым и резким было это движение.

– Линия! Захват и раздергивание!

Строй быстро выровнялся по фронту, первая шеренга симитировала захват противника. Такое впечатление, что двадцать парней выдергивают штыри из стены. Вторая шеренга будто перенимала у них эти самые штыри и отшвыривала себе за спину.

– Глухая оборона! – последовала новая команда.

Строй сплотился, сократив интервалы до минимума. Руки прикрыли прижатые к груди головы. Ну точь-в-точь боксер в момент защиты, осыпaeмый градом ударов.

– Отступление! Назад, спокойно!

Строй медленно приставным шагом отходил, не допуская разрыва.

– Встали! Россыпью пошли!

Обратное движение, но уже раздельно. Каждая пара сама по себе, но не отрываясь далеко от других. Заработали руки, словно перемалывая тесто. Имитировали удары кулака-

ми, локтями, редко коленями. Ноги вообще почти не включали, максимум показывали хлесткие выпады на уровне голени.

– Кольцо!

Строй быстро, но не очень ловко образовал замкнутую линию, обратившись лицами наружу.

– Размыкание и обратное кольцо!

Быстрое перестроение и вновь замыкание, но уже лицами внутрь.

– Схождение!

Сложное перестроение, с выводом на каждый шаг «лишних». Из двадцати пар впереди осталось десять. Остальные отошли в тыл и образовали внешнее кольцо фронтом наружу.

– В шеренгу!

Двойное кольцо распалось, бойцы, теряя темп, выстраивали линию.

Инструктор – одетый в песчаную форму мужчина выше среднего роста, в очках, с бородой и в кепке – посмотрел на секундомер и качнул головой.

– Отбой!

Группа встала, развернулась лицом к инструктору и замерла. Тяжелое дыхание, капли пота на лбах и висках, напряженные взгляды.

Инструктор подошел к строю, обвел его взглядом. Группа ждала. Они уже привыкли, что инструктор дает оценку не

сразу. И никогда не повышает голоса, даже если все идет не так.

– Быстро, – наконец, сказал инструктор. – Но бестолково. Особенно на кольцах. Остальное вполне ничего. Сейчас повторим вход и выход на замыкание, а после перерыва отрабатываем еще раз полный круг. Вопросы есть?

Строй молчал. Уже давно ни у кого никаких вопросов по сути занятий не возникало. Хотя инструктор всегда подробно и четко отвечал на все вопросы и поначалу выражал недовольство, если ничего не спрашивали. Значит, относились к занятиям некачественно, так он считал. Но теперь молчание было осознанным.

Инструктор выдержал паузу и кивнул.

– Тогда начинаем. Внимание! Смыкание, угол и кольцо! Пошли!

Во второй центральной паре первым стоял Толик. Благодаря росту, телосложению и боксерскому навыку, он занимал одно из ключевых мест в группе. Острие угла и тарана – главная позиция при линейном движении и основная роль при сжимании кольца. В двух других парах лидировали кикбоксер Слава Якунин и самбист Игорь Сумской.

Вообще спортсменов-профессионалов было семь человек, они цементировали группу, ведя за собой или прикрывая отход.

...Сперва Толик и впрямь думал, что в клубе проводят

обычные тренировки охраны и готовят спортивную команду к каким-то соревнованиям. Однако вскоре сообразил, что не ради кубков и грамот их так натаскивают. Нет, речь тут шла о делах более серьезных и опасных.

– Ты, наверное, знаешь, что здесь почти у всех есть проблемы? Незаконные задержания и приводы в полицию, случаи нападения на родственников и близких, – объяснял Макс Яворский. – Вспомни свой случай – пара богатеньких подонков стреляет среди бела дня, а их даже на допрос не вызывают. А еще такие же вот ублюдки безнаказанно сбивают на дорогах людей. А казнокрады в администрации, а другие проблемы... Сколько это можно терпеть? День, месяц, год? И почему мы должны терпеть?

– Подать на них в суд, – сказал Толик.

– Ну подал ты заявление в полицию и как это тебе помогло? – напомнил Макс. – Как думаешь, сложно им будет надавить на тебя через мать? А бросить бутылку с бензином в твоё окно? Полиция прибежит спасать? Или мэр издаст указ, чтобы тебя оставили в покое? Но на всех мэра не хватит. Да и не до народа ему.

Возразить было нечего, Толик и так знал, что обычные люди полностью беззащитны перед властью, полицией, богатеями. Перед всеми, кто может творить что угодно абсолютно безнаказанно.

– Ну так сколько ты готов терпеть? – повторил вопрос Макс. – И что ты сделаешь, когда терпение лопнет? Свер-

нешь шею этому щенку? Возьмешь приступом администрацию города? Губернатору в лицо плюнешь? А ведь сорвешься, причем скоро. Не так?

– Так, – откровенно сказал Толик.

– И тебя либо шлепнут, либо посадят. Да еще навешают ярлыков – террорист, наймит Запада, бандит и прочие.

– А что предлагаете вы?

Макс усмехнулся.

– Во-первых, не пороть горячку. Во-вторых, понять, что ты не один. И это очень важно. Ну и в-третьих... гуртом и батьку бить легче. Слышал такую поговорку?

Толик мотнул головой.

– Нет. Но смысл понял.

– Мы хотим объединить людей, особенно тех, кто уже готов от ворчания на кухне перейти к активным протестам. Те, кто готов выйти на улицы с требованием к власти. Вот только власть очень уж оригинально встречает любой протест. Даже если он в рамках Конституции и не нарушает ни один закон. Видел такое?

Толик видел. Как здоровенные полицаи тащили в автозак худеньких подростков и хрупких девчат, многим из которых не было и восемнадцати. Как избивали стариков и женщин. Как нарочно бросали на асфальт и били головой о борта машин. Как ломали пальцы, отнимая самодельные плакатики и листы с незамысловатыми надписями.

– Люди должны не только иметь смелость потребовать со-

блюдения своих прав, но и уметь защитить себя. И тех, кто на это не способен.

Толик тогда уже сообразил, к чему ведет Макс. А тот и не скрывал.

– Да. Мы – защита людей. Молодая сильная команда. Которая не даст никого в обиду.

– И много нас таких? – спросил Толик.

Макс отметил это «нас» и откровенно ответил:

– Пока немного. Но будет больше. Мы вынуждены скрываться, маскировать свою активность спортом, общественными мероприятиями, работой. Нельзя допустить, чтобы полиция или ФСБ узнали о наших истинных целях. Иначе тут же придумают статью и отправят всех валить лес. Или сажать лес.

Макс хмыкнул, потом согнал улыбку с лица и серьезно посмотрел на Толика.

– Еще не поздно отказаться. Без обид, без претензий. Будешь просто работать в охране, получать деньги.

– Да нет... – помедлив, протянул Толик. – Я готов.

Он потер зажившую рану, вспомнил глаза того мажора и зло сплюнул под ноги.

– Отступить-то мне некуда и так в угол загнали.

– И не тебя одного, – откликнулся Макс.

Вот и так и пошло. Толик отрабатывал положенные дежурства, а в свободное время истово тренировался. Как в

старые времена, когда ходил на бокс.

Только здесь бокса не было. Ни каратэ, ни ушу, ни иной заморской экзотики. В их группе хватало парней, которые занимались раньше и даже выступали на соревнованиях, но были и те, кто пришел в зал впервые. Имея за плечами только уличные драки, а, иногда не имея и их. Но все были полны решимости научиться и отомстить.

Это стало их девизом. И смыслом жизни. Не так трудно увлечь молодых парней какой-то идеей, если она полностью отвечает их чаяниям и требованиям. Например, вышивать крестиком или сажать цветы они бы не согласились. А вот отстаивать справедливость и честь – только «За»!

А еще Толику были интересны методика обучения и техника боя. Такое он раньше не видел даже на турнирах ММА¹⁷.

– Забудьте все эти хуки, кроссы, маваша, – наставлял инструктор. – Никого не интересуется, надолго ли уйдет в нокаут соперник и сколько очков насчитают за раунд. Оставьте все это для ринга. Вы будете работать на улицах, может быть в зданиях. Там критерий один – ты жив или тебя нет. Поэтому главная задача – выжить! Это доступно?

Это было доступно.

К удивлению Толика, никаких секретных и особо хитрых приемов им не показывали. Техника была скорее примитивная, простая как валенок.

¹⁷ Иначе говоря, бои смешанных стилей.

– Почти весь современный рукопашный бой берет истоки в военной подготовке средневековья. Первые учебники написали еще в четырнадцатом-пятнадцатом веках. Мы используем те же принципы плюс некоторые современные разработки. Левая рука – щит. Правая – топор или меч. Принцип прост – защита и нападение. Доступно?

А что тут не понять? Защитился левой рукой от удара, сам ударил правой. Элементарная двоечка. Какой бы удар не наносили (если рукой), все равно твоя левая как щит все блокирует. А правая колотит. То прямым, то косым, а то и локтем. Да и левой можно махнуть при случае. Ноги работают мало, и никогда выше паха.

Борьбы мало, только несколько приемов. Зато много работы против разнообразных захватов, против ножа, палки, штыка. Этого Толик раньше не изучал и сперва не мог привыкнуть. Но инструкторы знали свое дело и вбивали в головы парней навык многократным повторением, показами, объяснениями и снова повторением. Не удивительно, что даже новички в деле единоборств вскоре начали демонстрировать успехи.

– Кстати, по поводу единоборств, – поучал инструктор. – Смысл слова ясен – бой один на один. Но это редкость. Гораздо чаще один против нескольких или группа на группу. Так и будет – никто вам вызов на дуэль не бросит. Привыкайте работать с группой. Готовьтесь морально, это сложнее, чем кажется.

Не сразу, но Толик втянулся. И уже не допускал ляпов при защите от ножа или освобождении от захвата. Хотя вначале инструктор здорово на него наседавал из-за ошибок.

– Что ты застыл? Ждешь, пока он тебя обнимет? Ты не девка, чтобы ждать! Протянул руку или только цапнул – сразу работа! Сбивай локтем, или бери на прием. Что в захвате главное?

Парни молчали, переводя дыхание и вопросительно глядя на инструктора.

– В самом захвате нет ни хрена! Его выполняют для того чтобы...

И инструктор демонстрировал на Толике все эти «чтобы».

– Рывок на себя и удар коленом в пах! Или головой в переносицу! Или локтем в шею! И дальше сброс и добивание!

Толик получал крепкий удар (не во всю силу, конечно) и летел на пол, вдогонку принимая еще один удар.

– Либо толчок назад или в сторону и снова удар! Это ведь удобно – схватить врага и ударить, когда он не сможет ни разорвать дистанцию, ни толком провести свою атаку. Поэтому чтобы не получить плюху, работайте сразу!

Работали. Сперва медленно в статике, потом медленно в динамике, потом быстро, а потом на время. И кто не успевал – получал по шее. А затем условия усложнили и соперник теперь держал в руке нож или кастет (учебные).

– Захват и удар! В печень, в пах, в шею, в грудак! Один, второй, третий! Видно? Вот так! Это цена промедления даже

в одно мгновение. А если их двое? Трое?

Но были и другие тренировки. В составе группы. Тут все сразу сообразили, что их учат противостоять полиции. Да и никто не скрывал. Как ни странно, такие занятия вызывали больше азарта. Хотя почему странно?

Действительно странным был вид инструкторов. Все с бородами, в очках и в кепках. Не хотят светить свои лица перед учениками, это ясно, но они вообще на территории клуба не прекращают маскарад. Значит, не доверяют никому?

Но разгадывать причины такого поведения Толику да и остальным парням было некогда. Хотят люди прятаться – их дело.

Несколько позже Толика отобрали в отдельную группу на дополнительные занятия. Двенадцать человек, все с опытным армейской службы, да не в связи и спецвойсках¹⁸, а в разведке, пехоте, десантуре. Те, кто умел обращаться с оружием и получил хорошую подготовку.

Курс был непродолжительным. Убедившись, что все умеют стрелять и попадать в цель, инструктор основное внимание уделил тактике и боевому слаживанию группы. Парни работали с пистолетами, автоматами и дробовиками.

– Как оно там повернет, еще не ясно, – говорил инструктор.

¹⁸ Вопреки распространенному заблуждению это никак не супер-спецназ, а например, трубопроводные войска, понтонные части, инженерные, ветеринарные и прочие. А Спецназ – это войска специального назначения. Вот тут от перемены мест слов смысл меняется.

тор. – Но лишнего оружия не бывает. Хотя надеюсь, до этого не дойдет.

Обычно Толик воспринимал слова инструкторов с пониманием и одобрением. Но в этот раз что-то в голосе наставника заставило напрячься. Словно тот наоборот, совсем не исключал «горячий» вариант. Почему?

8

Горинск. Варяги

Их было четверо, тех, кто в планах организаторов операции проходил как группа инструкторов. В отличие от многих других, привлеченных к делу, инструкторы давно работали по найму и имели репутацию опытных специалистов, мастеров своего дела.

Они родились здесь, в России, только в другой стране, а когда она погибла, автоматически получили новое гражданство. Совсем молодыми угодили на вторую чеченскую войну, правда, не зелеными лопухами, а неплохо подготовленными бойцами. Повезло, что попали в часть, которую далеко не сразу бросили в мясорубку, оттого командование смогло организовать учебный процесс. Повезло, что натаскивали молодняк ветераны прошлой войны и еще той, афганской, они-то хорошо знали чего стоят неопытные пацаны в бою. Да и сами новобранцы имели за плечами спортивные разряды, так что не выглядели вахлаками.

Выжив на войне и получив бесценный опыт, парни продолжили постигать воинскую науку. А потом ушли на вольные хлеба и вскоре попали в одну иностранную организацию полувоенного толка, ныне более известную как ЧВК. Расшифровка не нужна? Ну и хорошо.

Затем были годы службы, рост в должностях, рост в фи-

нансах. От рядовых бойцов они дошли до командиров нижнего, затем среднего звена. Перешли на преподавательскую деятельность и на ней закрепились. За эти годы их знания и умения достигли пусть и не апогея, но весьма и весьма высоких величин.

Они тренировали специальные подразделения азиатских и африканских стран, обучали десантников, разведчиков и пехоту. Готовили охрану важных персон, в том числе и королевских. Консультировали шейхов и принцев по вопросам личной безопасности. Одно время даже возглавляли службу охраны диктатора небольшой, но весьма богатой страны. Диктатор, хорошо знакомый с мировой историей, понимал, что варяги из Европы надежнее, чем собственная знать. Потому и пережил пару покушений и один госпереворот. Потом с помощью тех же инструкторов нашел общий язык с важным шишкой в Штатах и благополучно покинул страну с солидным капиталом, дабы ему, детям и внукам было на что шиковать.

Инструкторы неплохо заработали на этом деле и добавили хороший куш к своим счетам. Заказчики были довольны и обещали новую работу. И сдержали слово.

Задание было сложным, но вполне выполнимым. Вернуться домой и принять участие в подготовке нескольких групп «народных мстителей». А заодно повернуть пару операций под прикрытием тех событий, что должны были произойти в определенное время.

Ничего запредельного, ничего особенного. Нечто подобное они уже делали раньше. Правда, тогда были чужие страны. Хотя и эта страна, самый большой осколок их Родины, тоже стала чужой. Она так увлеченно следовала своим ходом прямо в пропасть, что вставать на ее пути было глупо и опасно.

К их приезду все уже было готово. База, тренировочные залы, стрельбища, полигон. Личный состав отобран, проверен, хорошо мотивирован и готов к работе. А личная мотивация в таком деле очень много значит. Вникнув в обстановку, инструкторы распределили роли и приступили к делу.

Ник и Сэм взяли на себя ударные группы, их всего четыре, каждая по сорок человек. Требовалось дать им курс общего рукопашного боя без оружия и с оружием, научить работать в группе в различных условиях. Том занялся технической стороной вопроса – амуниция, снаряжение, оборудование. Док взял на себя тактику, стрелковую подготовку и общую координацию.

Разделение было скорее условным, каждый мог обучать по любой теме, что иногда и происходило. Все-таки четыре инструктора на полторы сотни человек маловато. Но, в конце концов, они не спецназ тренировали, а скорее расходный материал. Правда, этот материал должен был выполнить свою задачу как надо, так что поблажек и пропусков быть не должно.

На занятиях инструкторы появлялись только в маскировочном наряде – накладные волосы, бороды, усы. Кепки и очки не снимали. Курсанты обращались к ним коротко – мастер. Никаких имен и даже прозвищ.

Сами инструкторы давно уже называли друг друга только по кличкам. Когда-то придумали и с тех пор не меняли. К настоящим именам клички никакого отношения не имели. И были выбраны исходя из простых принципов – коротко и четко. Но даже их здесь никто не знал. Ни координатор, ни местные спецы. Мастер – и вся недолга.

Создать настоящие боевые группы было делом непростым. Хотя среди курсантов хватало спортсменов, в то числе бойцов-ударников, но схватка в ринге или на татами – это одно, а бой в составе группы совсем иное. Тем более с использованием различных предметов.

Здесь не единоборство, не просто махач стенка на стенку, не свалка любителей. Слаженная работа группы здорово напоминает бой в средние века, когда строевая выучка и знание тактических приемов определяли победителя сражения.

Что творили новоявленные «борцы за свободу» на занятиях – тихий ужас! От неловких действий, размашистых ударов, поворотов невпопад и запоздалой реакции на команды большей частью страдали свои. То строй растянут, то сожмут, давя соседей, то не выдержат ритм шага и тогда ровные линии превращаются в пунктиры.

Непросто было научить шагать слитно, бить одновременно, поворачивать по команде и не терять соседей при перестроении или атаке. Не будь на курсантах защитного снаряжения, половина выбыла бы из дела еще в начале подготовки.

И только через две недели стало кое-что получаться. Когда учебный бой был завершен выполнением задания без потерь, инструкторы впервые не охрипли от криков, а довольно кивали и вздыхали. Вдолбили-таки!

Дальше уже пошло по накатанной. Освоение новых приемов ускорилось.

– Бейсбольная бита – прекрасно! Но не всегда сбалансирована. Тут надо смотреть, какую модель брать. А можно взять обычный обрезанный черенок от лопаты. Часть черенка подхват рукой чуть сточить, наверхие рукоятки обмотать изолянтной. Не соскользнет при махе и немного утяжелит.

– А намотать на конец проволоку можно?

– На свой – сколько угодно! (смех в строю) На черенок не надо.

– А арматура?

– Тоже неплохо. Как и металлические трубы. Подобрать размер, сделать намотку под хват.

– Уголок еще приварить. Будет как клевец.

Среди парней хватало эрудированных личностей с хорошей смекалкой.

– Ножи от табуреток пойдут.

– От столов тоже.

– Все можно, – соглашался Ник. – Прижмет – ветка дерева, какая потолще сгодится. Насчет уголков, ножей, топоров и стальных прутьев из ограды – это уже работа на уничтожение. Вы уверены, что готовы будете убивать? В этом случае проще взять в руки пулемет.

Строй молчит. Впервые поднята тема противостояния в бою. Это граница готовности идти до конца и не останавливаться ни перед чем.

– Мы учимся защищаться и защищать других. Да, используя силу. Но это не значит, что надо обязательно убивать. Хотя в схватке может произойти что угодно.

Курсанты (так их по привычке именовали инструкторы) молчат. Ненависти к властям и к полиции им не занимать. Но вот готовности убивать пока никто особо не проявлял. Да и не проявит до того момента, когда начнется противостояние.

Ник едва заметно усмехнулся. Сейчас он лукавил. Исход открытого боя с полицией подразумевал возможность уничтожения. Более того, такая вероятность была высока. Но говорить об этом сейчас не имело смысла.

Вот когда сойдутся пару раз, пустят в ход руки, ноги, дубинки, нюхнут своей и чужой крови, посмотрят в выпученные глаза врагов, потеряют кого-то из своих, тогда внутренние тормоза слетят гораздо легче. И уговаривать не придется. А пока надо усиленно втирать, что все это – только для

самозащиты. И никак иначе.

Но фантазия у парней работала хорошо. Да и опыт киевского майдана не забыт, было, откуда черпать вдохновение. Так что кроме уже названного предлагали использовать и отравленные заточки, фейерверки, самодельные цепи. Еще газовые баллончики, доработанную бытовую химию, перетертые в пыль люминесцентные лампы. И спортивные рогатки, которые по эффективности не уступали травматическому оружию.

Инструкторы хвалили смысленых учеников и осаживали не в меру увлекшихся.

– Газ, химия, стеклянная пыль – все это палка о двух концах. Не так кинул или угодил под ветер и вся эта дрянь прилетит к вам. Полиция использует газовые гранаты, но кидает их метров на двадцать-сорок. Насчет отравы – надо чтобы она еще попала в тело, то есть нужно поражение кожных покровов как минимум. Достаточно просто воткнуть заточку в землю – вот вам заражение. Но вы уверены, что пробьете защиту?

– По ногам! – подсказал кто-то.

– Можно и по ногам. Но опять же, это если дело дойдет до боя, а не просто до толкания на улице.

Надо было немного сдержать боевой пыл парней еще и потому что полной аналогии с майданом следовало на первых порах избежать. Кстати именно поэтому никого с Укра-

ины сюда не приглашали, хотя там хватало специалистов по уличным боям. Но они могли быть засвечены и их появление здесь сразу бы привлекло внимание и дало бы властям лишний козырь в противостоянии. Одно дело, когда восстает возмущенный народ, другое – специально приехавшие «наймиты подлого Запада».

Не меньше внимания уделяли защите тела. Использовали хоккейную экипировку, она хорошо защищала корпус и конечности и не особо стесняла движения. Брели бронежилеты скрытого ношения первого и второго классов, к ним добавляли спортивную защиту для рук и ног. Энтузиасты вообще создали полный комплект защиты из подручных материалов, он хорошо предохранял от ударов палкой, кирпичом, заточкой.

Но иметь защиту одно, а активно работать в ней – другое. Нужен опыт и привычка. Так что теперь курсанты обливались потом на занятиях, таская на себе полный комплект защиты со шлемами в придачу.

– Ничего, в средние века рыцари бегали в доспехах и воевали неплохо. Терпите!

Терпели. Вытирали пот со лбов, жадно ловили воздух, поправляли сползшие нагрудники и протекторы и упрямо шли вперед, отрабатывая маневры, удары, защиту. Всех подстегивали личная ненависть, желание поквитаться и отомстить. Ко всему этому добавилось чувство братства по оружию и

осознание того факта, что вокруг свои и предавать их нельзя.

Занятия подразумевали и психологическую подготовку, морально-волевой тренинг, возвращали эмоциональный настрой. Ближе к концу курса все группы представляли собой спаянный сплоченный коллектив единомышленников, обученный открыто противостоять полиции и нацгвардии. До определенного момента, конечно. Когда уличные столкновения должны были перерасти в прямые бои с использованием огнестрельного оружия.

По плану до «огневого контакта» могло дойти, только если противостояние не будет погашено переговорами, а народ уже не будут сдерживать никакие ограничения. Фактически это уровень гражданской войны. Она хоть и фигурировала как один из возможных финалов операции, но реальность ее начала аналитики оценивали весьма скромно.

Однако подготовку к такому варианту провели. Из всего отряда курсантов отобрали двадцать четыре человека, имевших за плечами армейскую службу в боевых частях и подразделениях. Разбили на две «огневые группы» и провели короткий курс тренинга. Эти группы должны были вступить в дело в крайнем случае и при необходимости прикрыть работу «резервной команды». Ну а если уж и впрямь дойдет до полноценных столкновений, группы станут костяком народных формирований и поведут за собой гражданскую гвардию.

Эту тему на одном из последних совещаний перед началом операции и обсуждали координатор Крон и инструкторы.

– В общем-то, у нас все подготовлено. Люди доведены до предела, обстановка накалена. Приходится немного сдерживать, чтобы раньше срока не вылезли. Что у вас?

– Группы готовы, – отвечал Док. – Снаряжение развезено по точкам. Места сбора определены. Отработаны все варианты вступления и отхода. Техническое обеспечение есть.

– А «огневые группы»?

– Тоже готовы. Если до них дойдет.

– Может дойти, – подтвердил Крон. – Власти совсем берега потеряли, фактически устроили неофедализм с бесконтрольным давлением. Еще немного и народ вытащит из сейфов ружья. О митингах и шествиях я уже молчу. Пороховая бочка в кольце факелов. Мы реально опасаемся потерять управление ситуацией.

Док не отреагировал на эмоциональное выступление координатора, только кивнул.

– По «мишуре» данные подтверждены?

Крон чуть помедлил, тоже кивнул.

– Все операции проведены, последний завоз был вчера. Обратная активность заморожена.

– Хорошо.

«Мишура» – кодовое обозначение операции, которую

предстояло провести под прикрытием народного восстания. Для этого и была тайно доставлена в город «резервная команда». О сути операции знали всего несколько человек, а проводить ее должны были лично инструктора. Даже Крон имел лишь общее представление о задании и только снабжал информацией.

– Хорошо, – повторил Док. – Ждем начала. Главное сейчас, чтобы полиция и ФСБ не вмешались. Если вдруг будет утечка.

– Они не влезут, – уверенно заявил координатор. – Им не до того, идет внутренняя свара, погоны и кресла летят во все стороны.

Вопреки ожиданию инструктора особой радости по этому поводу не выразили. Они слишком хорошо знали, что от спецслужб можно ждать чего угодно и когда угодно. Издыхающий зверь все равно опасен. А если он только болен, то риск попасть под удар всегда есть.

– Мы на связи, – сказал на прощание Док. – Готовность выступления – три часа. Особая – два.

Координатор распрощался с инструкторами и поспешил к себе. Он не преувеличивал, когда говорил об обстановке в городе. Он реально опасался выхода ситуации из-под контроля в самый последний момент. И поэтому не мог позволить себе потерять нить управления даже на миг.

Сурсак. Что-то тут не так

– Тут что-то не так! Не нравится мне такой поворот. Что отомстить хотел – понятно. Чужими руками – тоже понятно. Но зачем сразу? С чего вдруг спешка? Двадцать лет не виделись, ты же мог не узнать его, тем более он внешне изменился... Или это испуг? Или что-то еще?

Храмов задумчиво стучал пальцем по столешнице, глядя на сидящего напротив Сазонова. Тот подцепил вилкой ломтик буженины, макнул его в горчицу и пожал плечами.

– Или я зря гоню?..

– Закаев не рядовой боевик. Командир отряда, резидент. А сейчас объявился в городе, значит, или что-то ищет или что-то готовит. Может и не сейчас, может давно. Узнать бы.

Сазонов отправил в рот буженину, заел куском хлеба. Храмов ждал, когда гость заговорит снова. Но тот пока молчал. Наворачивал угощение, словно с голодного края приехал. Стол был уставлен тарелками, салатницами и судками, в центре стояли две бутылки вина и одна водки. Но ее так и не открыли. Оба не жаловали крепкое питье, предпочитая что-то полегче и то редко.

– Я попробую узнать, – наконец, сказал Храмов.

– Как? Под каким он именем, неизвестно, никаких данных нет. Только номер микроавтобуса. Но он может быть и не его.

– Словесный портрет...

– Да какой на хрен портрет. По нему искать будут лет сто.

– Все равно, через знакомых в отделе можно уточнить, – не сдавался Храмов. – Хотя бы по автобусу.

Сазонов пожал плечами.

– Тоже не ахти.

– Почему?

– А если он здесь давно? Значит, оброс связями, может с администрацией под ручку ходит, с губернатором вза-сос целуется. Мы же не знаем. Полезем справки наводить и нарвемся.

Храмов недовольно посмотрел на Сазонова.

– Что-то ты, Борисыч, совсем загнался. Конечно, не каждый день в тебя стреляют, но все-таки, не стоит так уж паниковать.

Сазонов вытер губы платком, довольно отодвинулся от стула. Он и впрямь оголодал, видимо, организм решил заесть стресс, а не запить водкой. Так даже лучше.

Полковник крякнул, с интересом посмотрел на бутылку португальского портвейна «Тауни».

К Храмову он заявился поздним вечером, здорово удивив хозяина. Раньше о встречах они договаривались заранее, а тут вдруг так внезапно. Полчаса ушло, на то чтобы рассказать историю, только после этого Храмов, обалдевший от услышанного, повел полковника на кухню, совмещенную с

гостиной.

Храмов жил в двухуровневой квартире в шесть комнат плюс несколько подсобных помещений. Сам дом имел всего три этажа и был рассчитан на четверых владельцев. У каждого отдельный вход, огороженный двор, садик и подземный паркинг на три машины.

После недавнего застолья огромный холодильник был полон всяких блюд, так что проблем с ужином не возникло. И выговорившийся Сазонов при виде такого богатства почувствовал, как взвыл желудок. Пока он ел, Храмов так и сяк вертел рассказ, соображая, чтобы это все могло значить.

Им обоим совсем не нравилась история с Закаевым, причем, больше своей непонятностью. Ну не мог вот так с панталыку матерый боевик, едва завидев давнего неприятеля, сразу ринуться в бой. Что-то стояло за всей этой торопливостью и дурацким покушением. И желательно, узнать, в чем тут дело, любым способом прояснить обстановку. Иначе за первым последует второе покушение, а там и за третьим дело не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.